

ШИШКИН

У. $\frac{306}{611}$

**АРХИТЕКТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ БУХАРЫ**

$\frac{3}{46}$

СТВО КОМИТЕТА НАУК УЗССР. ТАШКЕНТ 1936

нр 28/17-37 13

КОМИТЕТ НАУК УзССР

Узбекистанский комитет по охране и изучению
памятников материальной культуры.

опб

ног

Ши-885

V 306
611

В. А. ШИШКИН

АРХИТЕКТУРНЫЕ
ПАМЯТНИКИ
БУХАРЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО КОМИТЕТА НАУК УзССР
ТАШКЕНТ 1936

Ответственный редактор — А. Корцев
Технический редактор — К. И. Кирамов

Сдано в производство 2/III-1936 г.
Разм. бум. 2×105 $\frac{1}{16}$
6 $\frac{1}{4}$ печ. л. 58000 знаков в печ. листе.
Последний лист подписан к печати 22/V 1936 г.
Тираж 2000+100
Изд. № 3 Узполузглавлит № 03837

Типография Узполиграфкомбината им. Икрамова.
Зак. № 162—Ташкент 1936 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Бухара является одним из древнейших городов Средней Азии. На протяжении большей части своего исторического существования она играла роль столичного города образовывавшихся на территории Средней Азии крупных государственных объединений и должна была поэтому вызвать особый интерес в исторической и археологической науке, как яркий и характерный пример восточного феодального города. В действительности мы наблюдаем обратное. Литература по истории и материальной культуре города, о его архитектурно-художественных памятниках, которыми он так исключительно богат, крайне бедна. В дореволюционное время эта литература, за очень редкими исключениями (например книга Н. Ханыкова «Описание Бухарского ханства», изданная в 1843 г.), ограничивалась рассказами путешественников и репортеров, русских и зарубежных, в которых можно найти лишь беглые описания некоторых памятников и произведенных на них чисто субъективных впечатлений, но нельзя искать точности и научной достоверности в сообщаемых сведениях. Большая часть архитектурных памятников Бухары, иногда первоклассных, как например, мавзолеев Саманидов, занимающий совершенно особое место в истории архитектуры, не была известна даже в узком кругу специалистов.

За время после Октябрьской революции, в связи с широко развернувшимся культурным строительством и небывалым оживлением научной жизни, ведется различными центральными и местными научно-

исследовательскими учреждениями большая работа по разработке основных проблем истории и истории материальной культуры народностей Средней Азии на основе строго научной марксистской методологии. Уже появился ряд новых работ советских ученых, не ограничивающихся беглыми описаниями, рассказами о царях и войнах, но пытающихся вскрыть самую основу; движущие силы истории—систему общественных производственных отношений на различных этапах развития феодальной формации в Средней Азии. Но пока еще крайне мало опубликовано работ по марксистской истории Средней Азии, имевшей немало специфических особенностей в своем историческом развитии. Недостаточна пока и разработка кардинальнейших вопросов, связанных с эволюцией среднеазиатского архитектурного и инженерного феодального искусства, и истории среднеазиатской материальной культуры вообще. Что же касается, собственно, Бухары и ее памятников, приходится отметить, что и в послереволюционное время им было уделено относительно очень мало внимания и они почти не являлись предметом специальных научных исследований. Только часть их была описана в общих работах по среднеазиатской архитектуре (большая часть этих работ указана в примечаниях к книге).

Все эти условия и условия личной работы автора в Бухаре, лишившие возможности широкого пользования автором необходимой иностранной и русской литературой допускает возможность многих недостатков в книге тем более, что предполагаемая работа — первый опыт публикации всех главнейших архитектурных памятников Бухары, возникших более, чем за тысячелетний период, в их исторической последовательности. Работа рассчитана на широкие круги читателей, главным образом туристов, посещающих Бухару, поэтому автор стремился к по-

пулярности изложения, избегая по возможности трагивать слишком специальные темы.

При составлении этой работы использован составленный автором очерк по исторической топографии и археологии Бухары, вошедший в материалы Узпланпроекта НККХ УзССР.

Февраль 1935 г.

АРХИТЕКТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ БУХАРЫ

I

Точное время возникновения Бухары, как города, неизвестно, как вообще неизвестно время возникновения и других старых городов Средней Азии. Некоторыми исследователями высказывается мнение, что городская жизнь в Средней Азии возникла в относительно позднее время, а собственно феодальные города, как развитый городской организм, возникли незадолго до арабского завоевания, происшедшего в VII—VIII веках нашей эры. Первые города Средней Азии развились из поселений, возникавших при крупных феодальных замках, в которых жили слуги и подданные князя и ремесленники, обслуживавшие замок. Есть все основания предполагать, что именно из такого поселения при замке крупного феодала «бухар-худдата» возник и город Бухара.

Различного рода экономические условия позволили некоторым из этих последних развиться в крупные торговые центры, где сосредоточивалась торговля и ремесленно-промышленная, а затем и культурная жизнь. Росту Бухары, расположенной в богатом сельскохозяйственном оазисе с древней оседлой земледельческой культурой, основанной на искусственном орошении и, кроме того, занимающей очень выгодное место в отношении путей, по которым направлялась развившаяся торговая деятельность, эти условия чрезвычайно благоприятствовали.

Развитие феодальных городских поселений при некоторых замках, привлечение торговцев и ремесленников содействовало накоплению средств в руках феодалов, тем более, что они сами по большей части принимали непосредственное участие в торговле. Это в свою очередь придавало большее значение тем феодалам, которые жили в таких замках. Они приобретали влияние, иногда на значительной территории, на окружавших менее сильных соперников и тогда эти новые феодальные городские центры становились также и административно-политическими центрами тяготевшей к ним территории. Ко времени арабского завоевания, которым датируются первые точные исторические сведения о Средней Азии, Бухара была как раз таким одновременно торговым и промышленно-ремесленным экономическим центром и в тоже время административно-политическим.

Живший в ней князь—бухар-худдат являлся суверенным правителем всей оседлой земледельческой страны, расположенной в нижнем течении Зерафшана и соответствовавшей современному Бухарскому оазису.¹

Роль политического и экономического гегемона оазиса не досталась Бухаре сразу. Историк Бухары Мухаммад Наршахи, писавший в IX веке н. э., утверждает, что несколько городов—Варахша, Ромитан и Вардана², считались более древними городами,

¹ Область, расположенная по среднему и нижнему течению Зерафшана носила в древности название Согд (в греческой форме Согдиана). Арабы называли эту область Мавераннахр, что значит «Заречье».

² Развалины Варахша находятся в песках, километрах в 14—15 к западу от современной границы оазиса. Ромитан до сего времени сохранился в виде селения к северу от Бухары. Вардана находилась на месте современного полузасыпанного песком и оставленного жителями селения Курган-варданзи на северной границе оазиса.

чем Бухара и являлись резиденцией правителя страны, раньше Бухары.

Бухара расположена на большом караванном торговом пути, соединявшем Переднюю Азию с Дальним Востоком, пути, пролежавшем через современный Туркменистан (Мерв), пересекавшем Амударью у теперешнего Чарджуя (древний Амударья) и направлявшемся вдоль Зерафшана через Бухару и Самарканд в Фергану и дальше на восток.

Со всех сторон Бухарский оазис окружен степями и полупустынями. Степи служили издавна местом жительства для кочевников иранских, турецких и монгольских, последовательно сменявших друг друга на протяжении исторической жизни страны. Эти кочевники, находившиеся еще по большей части в родовой стадии развития, подвижные, легко образовывавшие значительные военные союзы, являлись постоянной угрозой для более мирных и мало приспособленных к войне жителей оазиса. Борьба с постоянно окружавшими врагами вынуждала быть всегда на-чеку—ношение оружия всеми жителями было распространено в то время—и заставляло для защиты от врагов возводить грандиозные оборонительные сооружения. Замки феодалов, построенные из сырцового кирпича, сохранившиеся до наших дней в виде огромного количества холмов (талль, тепе), разбросанных по всей территории оазиса, поражают своей массивностью и огромным количеством труда, затраченного на их постройку.

Самым грандиозным сооружением этого рода было возведение стены, окружавшей весь Бухарский оазис, протяжением около 250 км, построенной в VIII веке. Постройка, а затем поддержание этой стены была такой тяжелой повинностью для населения, что в X веке она была заброшена и в настоя-

щее время сохранилась лишь в виде отлогих валов¹. Сам город подвергался многочисленным набегам и разгромам, при которых неоднократно превращался в груды развалин.

Большое значение для оазиса, в частности для Бухары, имели постоянные торговые сношения и экономическое и культурное взаимодействие с кочевой степью. Городки — укрепления, построенные вдоль стены, являлись одновременно и торговыми базарными пунктами, а также центрами ремесленной жизни, что определенно подтверждается имеющимися археологическими данными.

В общем, как нам представляется, картина возникновения города была такова: первоначальный замок феодала с находившимся при нем поселением, жившим, в условиях типичного натурального хозяйства, под влиянием новых экономических факторов, упомянутых выше, превратился в феодально-городское поселение — центр значительной области, присваивая себе после борьбы с другими городами-конкурентами первенствующую роль в экономической, культурной и административно-политической жизни области.

Датировать возникновение и развитие поселения и города в настоящее время при полной неразработанности этого вопроса представляется делом весьма затруднительным. Можно только сказать, что завое-

¹ Остатки этой стены были открыты Н. Ф. Ситняковским и позднее обследованы Л. А. Зиминим (Л. А. Зимин. Отчет о поездках по Бухаре с археологической целью. Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии, год 20, вып. II, Ташкент, 1916, 129—146). В настоящее время следы стены установлены на восточной стороне оазиса от к. Хазара до к. Дегриз и на южной границе, в районе станции Мургак. Л. А. Зимин делает ошибку в определении места стены на западной границе оазиса; несмотря на его указания, ни у Кала и Мулла-бек (правильно Малля-бек), ни у Симич-кала остатков стены не обнаружено.

вавшие страну в VIII веке н. э. арабы застали Бухару уже довольно значительным городом, небольшим еще, правда, по территории и количеству населения.

Город ко времени арабского завоевания состоял из замка правителя (кухендиз, арк), находившегося на месте современного арка и собственно города, занимавшего территорию почти в центре современной Бухары.

Границы этого доарабского города — «шахристана» прослеживаются в настоящее время очень легко с южной и северной сторон. Поверхность его значительно выше окружающих более молодых частей и края этой возвышенности круты и обрывисты. Значительно труднее установить границу с западной стороны, где она проходила от старой эмирской тюрьмы — зиндана — вдоль западной стены большой соборной мечети (Мачити Калян) и с восточной стороны, где она еще более сглажена. Здесь граница «шахристана» проходила примерно вдоль теперешней дороги, ведущей к Самаркандским воротам.

Таким образом, древний город домусульманской эпохи представлял собой неправильный прямоугольник площадью около 30—35 га. Обращает на себя внимание, что этот прямоугольник пересечен двумя довольно точно ориентированными улицами; эти улицы направлены с севера на юг и с запада на восток и пересекаются под прямым углом под куполом Заргарон, почти в его центре. Не исключена возможность, что в этом перекрестке улиц сохранились следы древней планировки города, восходящей к домусульманской эпохе. Насколько были развиты и другие части города, сказать при современном состоянии археологических сведений очень трудно, но, во всяком случае, имелись уже зачатки «рабада» — торгового и ремесленного предместья, возникновение которого знаменует собою действительное превраще-

ние феодального земледельческого поселения в город.

У юго-восточного угла «шахристана», к югу от него, не доходя до большого арыка Руди-зар (современный Шах-руд), орошавшего Бухару, был расположен базар, судя по дошедшим сведениям, — единственный в городе, где имелся также храм идолопоклонников, позднее превращенный в храм зороастрийцев-огнепоклонников. Здесь продавались идола, для чего устраивалась в присутствии самого царя ежегодная ярмарка. Этим ограничиваются почти все имеющиеся в нашем распоряжении точные сведения о древнем домусульманском городе.

Завоевание города арабами, движение которых в Среднюю Азию было связано со стремлением захватить мировые торговые пути, произошло в конце VII и начале VIII века н. э., когда власть хоросанского наместника арабских халифов окончательно здесь утвердилась.

Арабы застали Среднюю Азию раздробленной на мелкие феодальные владения. Центральной власти, которая объединяла бы их, не было. Местные владельцы назывались диканами, так же как и их подданные. О характере феодальной иерархии и о положении земледельческого населения точных сведений почти не сохранилось. Только по аналогии можно предположить, что здесь господствовал феодально-крепостной строй, но, повидимому, не малую роль в хозяйственной жизни диканских поместий играли рабы. Одним из значительнейших феодалов-дикан в стране являлся бухар-худдат. Он был суверенным главой множества менее значительных дикан, живших в области, тяготевшей к Бухаре. Из этих дикан-васалов составлялась личная гвардия бухар-худдатов-шакиров¹.

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. СПб, 1900, ч. II, 182.

Сведения о бухар-худдате сообщает, главным образом, упоминавшийся уже выше историк Бухары Мухаммад Наршахи, который приводит также и имена некоторых из последних бухар-худдатов (См. работы В. В. Бартольда и П. И. Лерка).

Наряду с диканами-феодалами имели довольно большое значение купцы—представители нарождавшегося торгового капитала, но так как они также владели движимой собственностью, жили в укрепленных замках, подобно диканам, и в то же время сами дикане занимались в той или иной мере торговой деятельностью, особо строгого различия между теми и другими, видимо, не было. Собственно же торговое и ремесленно-промышленное население города не было еще развито настолько, чтобы составить значительную силу в противовес стремлениям феодальной знати.

Не являлась также сколько-нибудь значительным объединяющим фактором и религиозно-культурная прослойка. Единой религии не существовало. Правящая аристократическая группа населения исповедывала в большей своей части древнюю иранскую религию — зороастризм, но наряду с этим значительным распространением пользовался целый ряд других религий: различного рода дуалистические секты, буддизм и несторианское христианство. Здесь особенно сказалось положение Средней Азии на стыке различных культурных миров: иранско-персидского, индийского и дальневосточно-китайского.

Все это облегчило завоевание страны арабами, которые пользовались разногласиями и враждой дикан друг с другом, заключая союзы с одними против других. Но эта же раздробленность страны удлинила процесс завоевания. Среди завоеванных вспыхивали то там, то здесь восстания, заставлявшие иногда арабов совсем уходить из Мавераннахра. Много-

численные восстания, вызванные притеснениями и грабежами арабских наместников и полководцев и враждой между самими завоевателями, в которую было втянуто и местное население, продолжались весь VIII и начало IX века. Бухарский владетель—бухархуддат, в качестве вассала хоросанского наместника, сохранял отчасти свое влияние.

Из фактов, относящихся к городу Бухаре, отметим постройку первой мечети полководцем арабов Кутейбой (в начале VIII века) и реквизицию половины домов шахристана для размещения в них арабов-завоевателей.

Но все неурядицы, вызванные набегами арабов, а затем завоеванием и присоединением страны к владениям арабского халифата, многочисленными восстаниями и войнами, не останавливали естественных процессов в развитии общественно-экономических отношений. Все большее укрепление торговых связей с отдаленными соседями привело к усилению роли феодального торгового капитала. Для дальнейшего развития необходима была организация крепкой центральной власти на обширной территории. После продолжительной борьбы различных общественных группировок, перехода власти от одних к другим создается, наконец, около середины IX века значительное государственное образование, объединившее почти всю современную Среднюю Азию, Северную Персию и Афганистан под властью династии Саманидов—выходцев из древней доисламской дихканской аристократии, первоначально—правителей Мавераннахра, назначаемых арабским халифатом, позднее фактически независимых владетелей. Государство носило все черты бюрократической абсолютной монархии с развитым делением на отдельные ведомства, организацией правильных сношений с наместниками-правителями отдельных областей, контролем над их действиями.

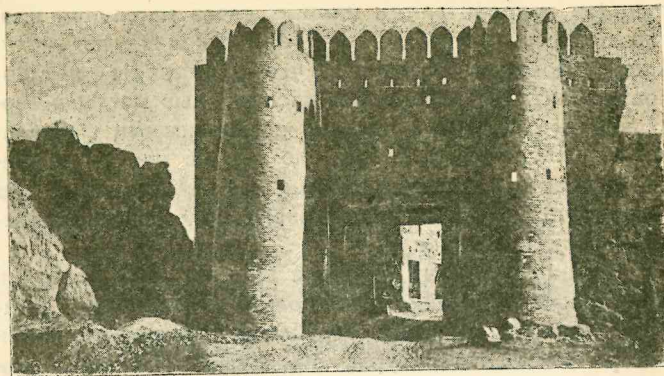
Попытка мусульманских историков изобразить Саманидов покровителями низших слоев населения против притеснения феодальной аристократии не заслуживает доверия. Возможно, что Саманиды неоднократно пытались опереться на народные массы в своей упорной борьбе с недавно независимыми феодалами за центральную власть, но тем не менее Саманиды являлись представителями аристократии и их господство не принесло никакого облегчения низшему классу населения.

Столицей Саманидов была Бухара. Все историки и географы, писавшие в то время, а это время явилось эпохой расцвета арабской географической и исторической литературы, описывают Бухару, как весьма оживленный богатый город—блестящую столицу саманидских правителей, центр торговой и ремесленной деятельности.

Кроме упоминавшихся уже арка—кухендиза и шахристана, возникших еще в доарабское время, Бухара к этому времени обросла уже рабадами-предмествами, окруженными крепкой стеной. Город значительно вырос и по площади и по количеству населения, в нем имелись обширные базары, дворцы, мечети и разного рода общественные сооружения.

Кухендиз-цитадель расположена была на том же месте, где теперь возвышается арк. Эта цитадель имела двое ворот, соединенных между собою улицей, перерезавшей его с запада на восток. Западные ворота назывались воротами Регистана, восточные — воротами Соборной мечети. Внутри этой крепости находилась собственно замок правителя, построенный еще в VII веке бухархуддатом Бидуном.

Рабад-предмесье, окружавшее цитадель и шахристан, был теперь уже достаточно развит. Он был обнесен стеной, построенной в 849—850 году, которая так же, как современная стена города имела 11 ворот.

Ворота Углан

Кроме этой внешней стены, была еще другая внутренняя, построенная раньше, когда рабад занимал значительно меньшую площадь.

Главный городской арык—Руди-зар. Из магистрального арыка Зар брала начало мелкая оросительная сеть, распределявшая воду по рабаду и окрестностям города.

«Улицы Бухары отличались шириной и были выложены камнем... Несмотря на широкие улицы, в городе, вследствие густоты населения, уже в то время ощущалась теснота; этот недостаток в Бухаре был ощутительнее, чем во всех прочих городах государства Саминидов.

По этой причине часто происходили пожары. Скуденностью построек объясняются и другие отрицательные качества города (зловоние, дурная вода и т. п.), о которых Макдиси и некоторые поэты говорят в самых резких выражениях»¹.

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, СПб 1900, ч. II, 115.

Постройки ввиду малого распространения в ту эпоху жженого кирпича, как строительного материала, что подтверждается целым рядом археологических исследований, возводились, главным образом, из дерева, глины и сырцового кирпича. Даже крупные, общественного характера сооружения строились из этих материалов. В постройках того времени, судя по сохранившимся известиям о частых пожарах, которые опустошали целые части города, дерево применялось значительно в больших размерах, чем в ближайшие к нам времена.

Таким образом, те отличительные особенности восточного феодального города, которые застала в нем революция 1920 г.: зловоние, водоснабжение с помощью хаузов, наполняемых из арыков, в которых скопляется мусор и отбросы, теснота—имелись налицо уже в ту отдаленную от нас эпоху. Вообще в отношении городского благоустройства за истекшее тысячелетие вплоть до пролетарской революции не произведено хоть каких-нибудь коренных перемен к лучшему.

Скорее происходило постоянное ухудшение условий жизни — повышался, вследствие многовековых наслоений, уровень земли в городе, что больше затрудняло проведение туда свежей проточной воды. Замощенные камнем улицы исчезли; вследствие все большей тесноты улицы стали узки, исчезли площади.

Присоединение Средней Азии к владениям арабского халифата и усиление торговой деятельности по большому пути, имевшему мировое значение, содействовали интенсивному росту города.

Из описания Наршахи и арабских географов мы видим, что всего через два столетия после прихода арабов город стал занимать уже довольно обширную территорию, что рабады — предместья, куда начала переходить преимущественно городская

жизнь, пришлось обнести особой стеной, но и территория внутри стены рабада уже не удовлетворяла потребности развивавшегося быстро города, он вынужден был выйти за эту стену. В IX веке правители города должны были предпринять постройку второй стены. Она окружила новые рабады и была построена по распоряжению арабского правителя Бухары Ахмеда, сына Халида. Интересно, кстати, отметить, что, по Наршахи, главным назначением этой стены была защита от «воров и разбойников», т. е. кроме военного назначения—крепости, стена должна была выполнять функции полицейского порядка—внутренней охраны.

Окруженная тремя стенами с отдельной крепостью—цитаделью, заключенная, кроме того, со всей своею областью в кольцо длинных стен (Кампыр-дивал), Бухара по своему времени была чрезвычайно сильно укреплена. Недаром арабский географ Истахри отмечает, что «нет в Хоросане и Мавераннахре города сильнее укрепленного, чем Бухара, и более многолюдного»¹.

Определение территории города и его величины в ту эпоху встречается со значительными трудностями. Прямых указаний на этот счет ни у Наршахи, ни у арабских географов, ни у позднейших авторов нет. Только лишь благодаря привлечению большого количества мелких разрозненных фактов, главным образом, изучение кладбищ, мазаров и других исторически известных мест дает возможность весьма ориентировочно определить границу города IX—X веков, да и то не во всех ее частях достаточно достоверно. Известные в настоящее время старые кладбища: Чашма-аюб, Ходжа Чаршамба, Турки Джанди, Ходжа Булгар, Ходжа Нур Абад и Ходжа Сесарон находились на границе

города, вне городской стены. Каждое из них было расположено за одними из городских ворот. Таким образом, границы города грубо определяются ломаной линией, проведенной от восточного конца кладбища Чашма-аюб к кладбищу Ходжа Гунджар и Ходжа Чаршамбе. Южная граница проходила от сев-вост. угла кладбища Ходжа Чаршамбе к северному краю кладбища Турки-джанди («зеленый базар»), отсюда к кладбищу Ходжа Булгар и местности Каль-абад (где находится медресе, мечеть и мазар, сохранившие это имя), что обозначало южную и восточную границу. Затем от Каль-абада, минуя остающуюся к северу заболоченную низину у кладбища Ходжа Нур Абад, к мазару Авлие-и-Кабир (место древней башни Айяр), отсюда к южному краю кладбища Ходжа Сесарон и кладбищу Чашма-аюб.

Таковы наиболее вероятные очертания древней стены рабада. Следовательно, город времен Саманидов был еще очень невелик по площади и едва занимал половину территории современного города.

Монархия, созданная Саманидами, оказалась непрочной. Возраставшие классовые противоречия усилили внутри государства классовую борьбу. Антагонистичность централизма и прежнего порядка породила в первую очередь борьбу царей со старыми феодалами, стремившимися сохранить свою полную независимость. К тому же, к этим феодалам, сходящим мало по малу с исторической сцены, прибавились новые—начальники военных отрядов, главным образом выходцы из турецких рабов, из которых составлялось войско.

Борьба за власть и влияние сильно расшатала саманидское государство, разоренное частыми войнами. Крестьянское и ремесленное население, на которое пытались опереться саманидские эмиры, также не поддержало их и в 999 году государство Саманидов сделалось добычей очередной волны кочевников—

¹ Истахри. В. Г. А. I, 306.

караханидских турок, выходцев из Восточного Туркестана.

Власть Караханидов сопровождалась на первое время некоторой реставрацией прежней феодальной дикханской знати. Но укрепившимся в Средней Азии ханам пришлось в свою очередь вести борьбу за централизацию власти. Дикханы окончательно сходят с исторической сцены. Впрочем, довольствуясь извлечением доходов с новых богатых владений, усвоивши многие стороны культурной жизни оседлого населения, Караханиды так же как и завоевавшие Среднюю Азию в середине XII века новые кочевники караки-тай, сохранившие кочевой образ жизни и после завоевания, предоставили отдельным областям своего государства довольно широкие возможности самоуправления под властью местных аристократических родов.

В Бухаре таким аристократическим родом, управлявшим городом и областью, явились садры, соединившие в своих руках власть светскую с властью духовной. Садрам удалось собрать весьма значительные богатства. Тяжесть от налогов и повинностей, ложившаяся на плечи трудовой части населения, становилась все большей, что вызвало в конце XIII века революционное движение, которое возглавлял ремесленник Санджар — «сын продавца щитов». Есть ясные указания историков на то, что это движение направлено было против власти аристократии. Садры были изгнаны из Бухары.

В конце XII и начале XIII века большое значение приобретает Хорезм, усилившийся в связи с укрепившимися торговыми связями с кочевниками севера и северо-запада и меньше пострадавший от политических перемен, так сильно потрясавших остальные части Средней Азии. Хорезмшахам, правителям Хорезма удалось подчинить себе весьма значительную территорию. В конце XII века ими была завоевана Бухара и подавлено восстание Санджара. Садры, воз-

вращенные было хорезмшахами, низложены и город присоединен к Хорезму.

Но владычество хорезмшахов было весьма непродолжительным. Внутренние противоречия, заключавшиеся, главным образом, в борьбе верховной власти с чрезвычайно усилившейся военной аристократией и нараставшее недовольство все больше разорявшейся народной массы настолько ослабили сразу молодое государство, что просуществовав всего около трех десятков лет, царство хорезмшахов пало под ударами монголов.

Войска монголов под предводительством Чингизхана взяли Бухару в феврале 1220 г. после довольно упорного сопротивления, что сопровождалось сильным разрушением города.

Но разрушив встречавшиеся на пути и оказывавшие сопротивление города, монголы не препятствовали их восстановлению после завоевания. Китайский путешественник (Чань-Чунь, 1221—1222) говорит о быстром восстановлении дорог, мостов, торговой жизни городов. Создание огромной империи содействовало успокоению во внешне политической жизни страны. Продолжавший развиваться торговый капитал получил возможность широко развить свою деятельность. Мусульманский купец сделался важной фигурой во всем монгольском государстве.

Но в самой природе монгольского кочевого феодализма, в котором сильны еще были пережитки родового строя заключались причины его гибели: удельная система, связанные с ней войны и раздоры, привели к развалу империи. Но вследствие того, что экономическая жизнь старых земледельческих культурных областей настоятельно требовала нового объединения, в конце XIV века разрозненные между отдельными монгольскими родами части Средней Азии собираются воедино Тимуром. Для этого ему пришлось сломить жестокое сопротив-

ление кочевой монгольской аристократии и установить диктаторскую централизованную власть. В этом Тимуру пришли на помощь те слои населения, которые были заинтересованы в установлении нормальной жизни, нормальных экономических отношений, в первую очередь—представители торгового капитала на стороне которых оказалось весьма влиятельное мусульманское духовенство.

Несмотря на то, что после смерти Тимура начинается вновь борьба и междоусобицы между его многочисленными потомками, знаменующие борьбу различных общественных группировок, эпоха Тимура и Тимуридов является кульминационным пунктом экономического и вместе с тем культурного развития Средней Азии. В руках правящей верхушки сосредотачиваются весьма значительные богатства, скопившиеся благодаря особенно развившимся торговым сношениям, благодаря грабежу завоеванных обширных и богатых территорий (Персия, Малая Азия, Индия). Эмирский двор блистал роскошью, в нем сосредоточились поэты и ученые, возводились грандиозные архитектурные сооружения, но эта дорогостоящая роскошь правящего класса и непрерывные дальние походы и всякого рода повинности легли вновь тяжелым бременем на плечи трудового населения. Недовольство народа росло. Блестящая жизнь тимуридского двора не пользуется популярностью среди народа. Во главе недовольных становятся шейхи и дервиши—представители монашеского духовенства, в отличие от официального духовенства, находившегося на стороне светской власти. Все это облегчило на рубеже пятнадцатого и шестнадцатого столетия покорение страны узбеками.

Таковы в общих чертах основные факты истории Средней Азии за период с X по XV век включительно.

Об истории собственно города Бухары за этот

период мы располагаем очень немногими сведениями.

При дальнейшем развитии городской жизни Средней Азии, о котором сказано было выше, город, по крайней мере, в смысле занимаемой им площади, увеличился мало и в XV в. был значительно меньше современного. Причины этого следует искать в том, что при Караханидах, могилах и в особенности при Тимуридах Бухара не занимала в Средней Азии того первенствующего положения города-столицы, как во времена Саманидов, а в XIV—XV веках, когда столицей страны сделался Самарканд, Бухара еще больше потеряла свое значение, главным образом, за счет функций административно-политического центра, центра культурной деятельности и ремесленно-промышленной жизни, направленной, главным образом, на удовлетворение потребностей правящего класса, сосредоточившегося в Самарканде.

После распада империи Тимура и последовавшего затем завоевания страны узбеками, Бухара приобретает мало по малу вновь значение главного города страны. Новые политические потрясения вызывают на этот раз довольно резкий упадок в хозяйственной жизни, упадок, усугубившийся происшедшим в это время изменением направления мировых торговых магистралей, которое произошло вследствие открытия морских путей в Индию, открытия Америки, начала колониальной политики, вступивших на путь капиталистического развития политики западноевропейских держав, что повлекло за собой всеобщее перемещение культурных центров на запад, к берегам Атлантического океана. Утрата выгодного положения на мировом пути крепко ударила по торговой деятельности среднеазиатских городов, а вместе с тем и по их ремесленной промышленности. Начиная с XV века, городская жизнь в Средней Азии деградирует. Весь уклад жизни как бы

возвращается к уже пройденным более примитивным этапам феодализма. Вместе с тем, сильнее сказываются центробежные стремления в государстве, которое подвергалось новому сильному влиянию родового быта господствующей народности — завоевателей. Государство, унаследованное от Тимуридов, постепенно уменьшается, теряя свои окраинные владения.

Особенно сильно этот упадок сказался на городах. Условия жизни в сельских местностях, живших и раньше преимущественно в условиях натурального или полунатурального феодального хозяйства вряд-ли существенно изменились. Феодальная эксплуатация сельского населения в связи с общим объединением страны стала более тяжелой и жестокой.

Как уже было сказано, в XV веке город был еще вряд-ли значительно больше города времен Саманидов. В XVI веке территория города увеличивается и достигает своих современных границ. Старая стена рабада оказалась теперь внутри фактической городской черты. Поэтому Абдулазиз—ханом Шейбанидом, узбекским правителем Бухары (1540—1549) построена новая стена, окружившая значительно увеличившиеся рабады. Эта стена соответствует в большей своей части современной городской стене Бухары, которая постоянно ремонтировалась и восстанавливалась, но в общем сохранила свой вид и место.

При Абдулла-хане (1557—1598) в черту города включена местность Джуйбар, для чего снесена стена от теперешних ворот Ширгарон до ворот Шейх-Джалаля и построена новая, присоединившая к городу эту местность, принадлежавшую тогда влиятельному роду джуйбарских ходжей-поддержкой которых Абдулла-хану неоднократно приходилось пользоваться.

Именно в эту эпоху (XVI век), Бухара получила в основном свой современный облик. К этому же вре-

мени относится большая часть крупнейших архитектурных памятников, создающих городской пейзаж Бухары: медресе Абдулла-хана и его матери, медресе Кукельдаш, Гаукшан, Мири-араб, Фатхуллакушбеги, большая соборная мечеть, несколько мелких мечетей, наконец целый ряд сооружений гражданской архитектуры: базарные купола Саррафон, Тильпак-фурушон, Заргарон, Тим Абдулла-хана, баня Саррафон. Не только новые постройки возводились в эту эпоху, но произведен был целый ряд перестроек, достроек и капитальных ремонтов старых зданий: отремонтированы капитально медресе Улугбека, мечети Магоки-аттари, Намазгох, мазар Чашма-аюб. Немало крупных зданий возведено также и в окрестностях Бухары: огромные мечети и большое количество мелких надгробных сооружений в сел. Сумитан (теперь Чор-бакр), грандиозные склепы в Бахауддине, хонако, Файзабада и Бахауддина, хонако в Хакими-мулла Мире, дороги, мосты, сардоба, караван-сарай и рабаты.

Следует подчеркнуть, что строились не только здания, связанные с религией и культом. Большое внимание было уделено зданиям и сооружениям, связанным с торговой и ремесленной жизнью города. Это показывает, что торговые связи не сразу потеряли свое значение, что торговая деятельность еще не умерла, а продолжала существовать, изменив свое место в мировой торговле: из транзитного, в значительной степени, центра международного обмена Бухара превращается теперь постепенно в областную среднеазиатский торгово-промышленный центр, связанный со всей территорией Средней Азии и некоторыми соседними странами.

Особенно сильно сказался экономический упадок, перешедший в стабильную продолжительную депрессию во времена правления мангытских ханов (1785—1920). Этой эпохе предшествовало усиление главарей узбекских родов, придавшее всему

общественно-политическому строю бухарского ханства несколько новый специфический характер. Но Мангытам вновь удалось объединить страну под своим господством, создать новую деспотическую монархию, значительно, конечно, меньшую чем государства предшествовавших эпох, замкнувшуюся в своих границах, так как экономические связи с другими странами все больше и больше слабели. Внутри государства мы видим сельскохозяйственное население, живущее в условиях смешанного натурально-денежного хозяйства и внеэкономического отчуждения прибавочной стоимости сельскохозяйственного труда в виде ренты натуральной, денежной и отработочной, чайрикерства и батрачества. Номинально единственным хозяином всего мертвого живого и людского инвентаря страны являлся неограниченный деспот—эмир, фактически вынужденный считаться с волей различных группировок правящего класса—главарями племен и духовенством, цепко державшим в своих руках сознание трудового населения, погруженного в суеверия и невежество.

Город в этих условиях все же не терял своего значения, как торговый, теперь уже областной центр еще больше может быть, как центр ремесленной мелкой промышленности, также областного характера, и как центр—средоточие правящего класса во главе с эмиром и его сановниками. Следует подчеркнуть, что Бухара являлась еще и крупным религиозно-культурным центром, подготовлявшим в своих многочисленных медресе мулл и законоведов для доброй половины мусульманского мира. Общее объединение страны сказалось, конечно, и на городе. Несмотря на то, что строительство, главным образом, культовых зданий и медресе интенсивно продолжалось и в последние века существования Бухарского ханства, характер и качественные показатели

этого строительства говорят о сильном упадке экономической мощи строителей-заказчиков и об утере технических и художественных знаний и навыков у строителей, мастеров лишенных теперь практики в возведении крупных, богато декорированных зданий. Если XVII век дает еще образцы архитектурных памятников, близко напоминающих прежний размах (медресе Абдулазиз-хана, медресе и мечеть Диванбеги, медресе Бозори-гусфанд и Джуйбар), то здания XVIII и XIX веков не могут идти ни в какое сравнение со строительством прежних времен. По большей части это очень скромные мечети и медресе, построенные по трафарету, сухие по формам и нередко совершенно лишенные какой бы то ни было архитектурной обработки.

В середине XIX века часть прежнего бухарского ханства отошла к «русским среднеазиатским владениям». Эмир был принужден признать себя вассалом русского императора. Но, опираясь на силу русских войск, эмир становится теперь понемногу действительно неограниченным владельцем своего государства.

Несмотря на все усилия оградить Бухару от чуждых новых веяний, проявлявшиеся старыми феодальными группами знати и духовенства, городу не удалось избежать многих новшеств. Станция железной дороги под самыми стенами города, европейского типа дома и магазины внутри начали сильно изменять типичный облик одного из стариннейших среднеазиатских городов, последней и самой крепкой цитадели среднеазиатского феодализма.

В таком состоянии застала Бухару революция 1920 г.

II

Домусульманская и ранне-мусульманская эпохи не оставили никаких архитектурных памятников, которые дошли бы до нашего времени. Это потому, что единственный способный держаться в течение столетий в условиях Средней Азии материал —

жженный кирпич в ту эпоху или вовсе не применялся при возведении зданий или употреблялся в очень небольшом количестве для настилки полов и других подобных работ. Основными материалами, как об этом можно судить по аналогии с сохранившимися остатками построек того времени в древнем Самарканде, городах и укреплениях Кампыр-дивала и проч. служили — сырцовый кирпич очень крупного размера, дерево, битая глина. Распространенный теперь способ постройки небольших, главным образом жилых, зданий из деревянного каркаса, заполненного сырцовым кирпичем или специально приготовленными комками глины, существовал уже, как это точно установлено, в VIII—IX веках, а может быть, и раньше, но, повидимому не был так широко распространен, как в последующие эпохи.

Техника возведения построек из сырцового кирпича достигли высокой степени совершенства. Из сырцового кирпича выкладывались толстые стены на глиняном растворе (причем толщина прослойки глины достигает 10—15 см). Отдельные помещения в здании перекрывались сводами также из сырцового кирпича. Своды эти были довольно разнообразны по своей конструкции. Здесь мы встречаем коробовый свод, свод с наклоном (под углом около 45°) без кружал положенными рядами кирпича, купола на нишевидных парусах и т. д. Насколько был прочен материал и тщательна работа, можно судить хотя бы потому, что многие из этих сводов, возведенных в VIII веке, до сего времени прекрасно сохранились (Иль-Мирза на южном берегу Зерафшана, городище Ходжа-Аджванди к юго-западу от ст. Кызыл-тепе и др.). Здания из сырцового кирпича бы-

¹ Б. Н. Засыпкин. Памятники архитектуры Термезского района "Культура Востока". П. М. 1928, 28—32. Описание развалин Кырк-кыз. Многоэтажность зданий из сырцового кирпича установлена также в постройках на Кампыр дивале.

ли к тому же нередко двухэтажными¹. Эти здания судя по исследованиям, производившимся в Самарканде и Термезе, не были лишены и архитектурно орнаментальной обработки. В здании, раскопанном на Афрасиабе в 1925 г. одна из стен была орнаментирована карнизом из фигурно выложенных сырцовых кирпичей. Известен ряд алебастровых панелей, покрытых глубокой резьбой с чрезвычайно четким и в то же время затейливым рисунком (панели в Самаркандском музее, панели из Термеза). По аналогии можно с полной уверенностью заключить, что этот тип постройки с глинобитным или сырцовыми стенами и перекрытиями из сырцового кирпича был широко распространен и в Бухаре, в которой находилось множество «кешков» — замков древних феодалов.

Наряду с этим, не менее распространенным было и балочное деревянное перекрытие для более крупных помещений, поддерживаемое деревянными же столбами. Сведения о многочисленных пожарах, уничтожавших дворцы и базары города, рассказы о постройке большой мечети и минарета при ней указывают весьма определенно на значительно большую роль дерева в постройках, чем в последующие времена.

О том, что техника строительства из дерева и его обработки стояли в ранне-исламскую эпоху чрезвычайно высоко, можно судить отчасти по найденным в Таджикистане михрабу мечети из Искодара и двум резным деревянным колоннам, доказывающим неподражаемо высокое мастерство, достигнутое мастерами деревообделочниками того времени¹. В более позднюю эпоху, в XIV в., мы встречаемся еще с изумительным и по технике и по художественному эффекту образцом резьбы по дереву в надгробии Сайфиддина Бохарзи (умер в 1262 г.).

¹ М. Е. Массон. К вопросу о происхождении памятников древней деревянной архитектуры. Ташкент, 1927. г.

Жженный кирпич получил распространение в качестве основного строительного материала не раньше IX-X в., что явилось, надо полагать, следствием большего развития экономической жизни страны, вызвавшего большую специализацию в разделении труда и выделение специалистов-строителей, а одновременно и усиление накоплений в руках строителей-заказчиков—феодалов правящей верхушки государства. Возведение здания из жженого кирпича требует большей квалификации мастеров и гораздо больших затрат на постройку. Возможно, что первоначально жженный кирпич был использован для возведения купольных перекрытий вместо сырцового кирпича. Это дало возможность сделать перекрытие гораздо более прочным, легким и изящным. Кроме того, возведение перекрытий из жженого кирпича позволило увеличить в большинстве случаев размеры перекрываемых помещений. Своды из сырцового кирпича требовали постройки небольших узких, коридорообразных помещений, что подтверждается приведенными примерами построек из сырцового кирпича. Образцом перекрытия из жженого кирпича на сырцовых стенах служат купольные перекрытия (девять куполов при четырех опорных столбах в середине) мечети в кишлаке Хазара Керменинского района, датируемой ориентировочно VIII-IX в. Стены мечети возведены здесь еще из сырцового кирпича и оказались настолько прочными, что простояли без крупных повреждений в течение целого тысячелетия¹.

В качестве цементирующего раствора применялся алебастр («ганч»), являющийся в Средней Азии чрезвычайно распространенным материалом, и глина («лой»). Употребление алебаstra было известно еще раньше распространения жженого кирпича. Из алеба-

стра делались полы и панели. Кроме того, сырцовый кирпич с большой примесью крупной гальки, обнатуренный в городище Шахри-вайрон (древний Таваис на восточной границе Бухарского оазиса) содержит в себе значительную примесь жженого алебаstra, что придает этому кирпичу чрезвычайную прочность и твердость. Широко распространен был до самого последнего времени и смешанный раствор, в котором в различных соотношениях смешиваются земля и алебастр («ганч-хок»).

В свете приведенных фактов кажется несколько странным, что единственное здание сохранившееся до наших дней от эпохи Саманидов—мавзолей Саманидов (конец IX в.) показывает чрезвычайно высокую технику строительства именно из жженого кирпича—материала, достаточно нового и мало привычного для среднеазиатского строителя. Но это здание, несмотря на его крайне тщательное выполнение и хорошо рассчитанные, прочувствованные формы, носит на себе определенный отпечаток строительных навыков, выработавшихся на другом материале. Чрезвычайно толстые для такого небольшого сооружения стены говорят о привычке строить из сырцового кирпича. Внутри здания, в колоннах пояса тропов, можно отчетливо видеть формы, которые могли возникнуть только в деревянной архитектуре. Самый прием декорировки стен фигурной рельефной выкладкой из кирпича не является, по видимому, новым, так как он применялся, как указано выше, и в строительстве из сырцового кирпича.

Мавзолей Саманидов, находящийся в западной части города, на территории строящегося парка культуры и отдыха, является одним из древнейших памятников среднеазиатского монументального зодчества, целиком сохранившимся до нашего времени. Предание и имеющийся вакуфный документ, который сохранился в поздней копии связывают его постройку с именем Исманла, основоположника могуще-

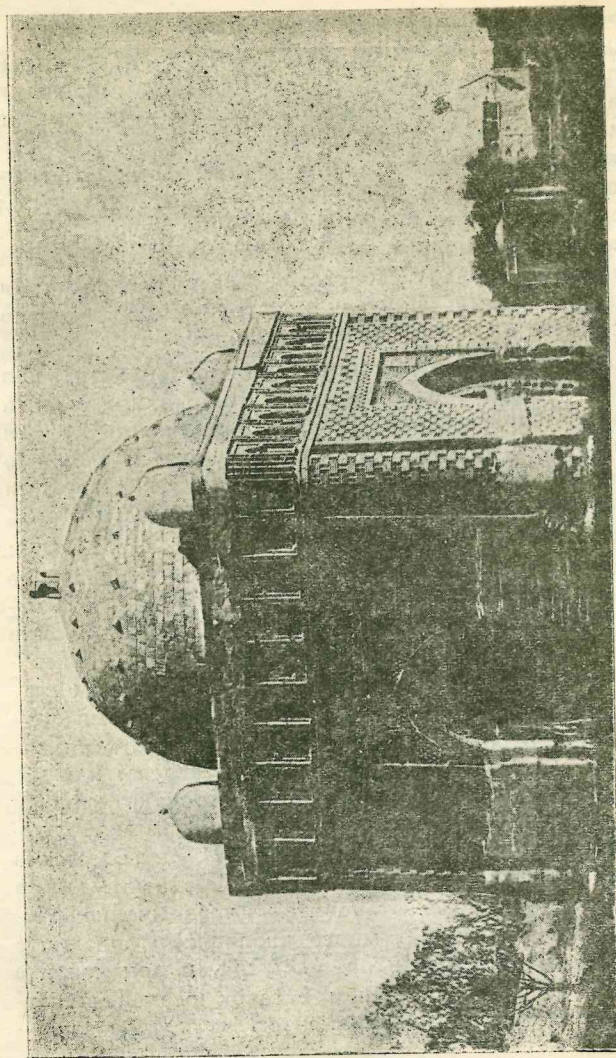
¹ Мечеть в к. Хазара открыта в мае 1934 г. экспедицией Эрмитажа и Узкомстариса.

ства саманидской династии. Согласно этим сведениям, здание построено было еще при жизни самого Исмaила, умершего в 907 г., для погребения в нем его отца Насра б. Ахмада (876—892), т. е. между 892 и 907 годами. Это подтверждается также раскопками и работами, произведенными В. А. Вяткиным в 1926 г. Более точной даты постройки указать невозможно.

Вследствие того, что памятников этой эпохи в целом виде почти не сохранилось и мы еще очень мало знаем об архитектуре предшествующей эпохи, мавзолеем Исмaила Саманид по своему стилю, по разрешению художественно-декоративных задач, стоит для нас особняком, не имея точных аналогий в зодчестве Средней Азии и, насколько нам известно, других стран мусульманского Востока.

Мавзолей построен из прекрасного жженого квадратного кирпича. Это небольшое почти кубическое здание, с чрезвычайно толстыми стенами (около 1,8 м), чему, по всей вероятности, он обязан своей относительно очень хорошей сохранностью. Все четыре стороны здания одинаковы. В середине каждой стены—большая стрельчатая арка, включенная в орнаментальную прямоугольную раму, составленную из кирпичных кружков. По углам возведены массивные кирпичные цилиндрические трехчетвертные колонны, без базы и капителей. По верху здания, опоясывая все четыре стороны, идет аркада из небольших стрельчатых окон по десять с каждой стороны.

Особенный интерес в этом здании вызывает конструкция перекрытия. На массивных стенах здания возведена на уровне указанной аркады сквозная галлерея. С внутренней стороны, на высоте пола этой галлереи, выведено восемь низких стрельчатых арок—четыре из них в середине стены, а четыре других перекинуты через углы, образуя, таким образом, восьмиугольник, который с помощью добавочных небольших троппов, помещенных в каждом углу восьми-

Мавзолей Исмaила-саманида

угольника, переходит в круглое основание купола. Средние арки забраны ажурными терракотовыми решетками, а угловые снабжены еще добавочными полуарками, которые упираются верхним концом в стрелки (замок) арки, а нижним—в угол стены, выполняя, таким образом, роль контрфорсов, препятствующих опрокидыванию угловых арок наружу под давлением тяжести свода. Вместе с ползучим сводом галлерей, передающим также часть тяжести купола на внешнюю аркаду, создается чрезвычайно легкая и в то же время упругая конструкция, прекрасно выдержавшая тысячелетнее испытание.

Одновременно эта конструкция пояса трюмпов дает и чрезвычайно тонко рассчитанный зрительный эффект; ажурные арки и паруса, освещенные сзади окнами галлерей, создают разнообразную и сложную игру светотени, придающую самой этой конструкции впечатление еще большей легкости.

Все стены здания внутри и снаружи облицованы фигурной выкладкой из тщательно отшлифованного жженого кирпича. Чередующиеся в шахматном порядке три кирпича плашмя и пять вертикально или три плашмя и три углом, заполняют всю поверхность стен своеобразным узором, напоминающим плетение. Тимпаны арок входов заполнены рядами мелких кирпичиков, выступающих наружу острыми углами. В это заполнение тимпанов вставлены клейма, выполненные резной терракотой. Арочки верхней галлерей обрамлены прямоугольными рамами, изображающими как бы переплетенные ленты, мотив которых в последующем зодчестве Средней Азии в домонгольской эпохе, становится чрезвычайно распространенным и имеет много аналогий в орнаменте керамики эпохи Саманидов. Внутри, в орнаментике трюмпов, использован прием вставок резной штукатурки с растительным орнаментом («ислими»—вьюнок).

Таким образом, мы здесь встречаемся почти со всеми орнаментальными приемами, характерными и для последующей стадии развития среднеазиатского зодчества, за исключением поливной, глазурной декорации более поздних зданий, и эти приемы в мавзолее Саманидов представлены далеко не в зачаточной форме. Разработка как отдельных орнаментальных деталей, так и всей декорации здания в целом, показывает большие технические навыки исполнителей и значительную декоративно-художественную традицию. Другими словами, в этом здании мы встречаем произведения вполне сформировавшейся художественно-архитектурной школы.

Здание хорошо сохранилось. Только декорация его кое-где попорчена и замазана при позднейшем ремонте, да, вероятно, изменен вид верхней части здания, так как купола его неоднократно ремонтировались сверху¹.

III

Эпоха Караханидов оставила гораздо больше памятников монументального зодчества. На территории Бухары сохранились следующие: южный портал мечети Магоки-аттари, западная стена Намазгох, минарет большой соборной мечети. В других частях Средней Азии число караханидских памятников так же довольно значительно. К ним относится ряд зданий в Узгене, минарет в Термезе, рабат в степи Малик и др. Существует немало аналогии и с памятниками зарубежных стран: минарет в Бистаме, баш-

¹ Описание этого памятника, сделавшегося известным только после революции 1920 г. см. Б. П. Денике. Искусство Средней Азии. М. 1927, 11—13; И. И. Умняков. Архитектурные памятники Средней Азии. Ташкент, 1927, 17 и след. Б. Н. Засыпкин. Памятники монументального искусства Советского Востока. Сбор. «Художественная культура Советского Востока». М. 1931, 29—30; В. Н. Чепелев. Очерки архитектуры Средней Азии до Караханидов. Сбор. «Искусство Средней Азии», М. 1930, 96—99.

ня-мавзолей в Радкане, Амуре, несколько более поздние (конец XII в.) памятники в Нахичевани и проч.

Жженный кирпич, не вытесняя еще других строительных материалов, получает большее распространение. Техника строительства достигает большого совершенства. Сохранившиеся здания (за исключением разве рабата Малик) относительно невелики по своим размерам и построены чрезвычайно тщательно. Кирпич, облицовывающий здание, старательно отшлифован, четкой правильной формы. Орнаментальная кладка из него выполнена почти с безукоризненной точностью. Мелкая, дробная орнаментика иногда производит впечатление некоторой перегруженности орнаментальными деталями. В декорации зданий вводится новый технический прием вставки из рельефных майоликовых плит, обыкновенно с надписями, обогащающими декорацию вносимыми ими цветовыми пятнами. Последний прием декорации здания в среднеазиатской архитектуре появляется, повидимому, впервые в XII в. Таким образом, в этих зданиях мы встречаем новый, весьма специфичный стиль-караханидский, как его можно было бы назвать на территории Средней Азии, если бы он не имел целого ряда параллелей в зодчестве Газневидов, Атабеков и т. д. Эти памятники свидетели дальнейшего развития экономических и культурных связей между различными странами мусульманского мира. Но, несмотря на то, что общие черты, свойственные всем им, заставляют объединить их в одну группу, памятники отдельных областей (или государственных объединений) носят и свои характерные для них черты, так же как свои специфические черты имела и экономическая, политическая и культурная жизнь этих областей.

Первым в ряду сохранившихся памятников караханидской эпохи стоит самый известный из памятников Бухары минарет при Большой соборной мечети.

Существующий теперь минарет, построенный целиком из жженого кирпича, вместо старого обвалившегося, возведен, как сообщает Наршахи, в 521 г. мусульманской эры, что соответствует 1127 г. н. э.¹

Минарет представляет собой коническую, слабо суживающуюся кверху массивную колонну, сложенную из квадратного жженого кирпича на алебастровом растворе. Колонна увенчана сталактитовым, слабо профилированным карнизом, на котором возведен павильон-фонарь с шестнадцатью стрельчатыми окнами. Все это завершается вторым сильно выступающим сталактитовым карнизом. Форма и геометрически и архитектурно чрезвычайно проста. Но эта геометризованная скупость искупается богатством орнаментики. Гладкая поверхность минарета, кое-где лишь прорезанная крохотными, почти незаметными окнами, освещающими проложенную в массивном теле здания винтовую лестницу, покрыта сплошь орнаментальной фигурной кладкой из тщательно зашлифованных жженных кирпичей. Эта орнаментика дана в виде отдельных горизонтальных поясов, сообщающих ей разнообразную игру светотени. Прием орнаментики как будто бы тот же, что в мавзолее Саманидов, но в трактовке его есть существенная разница: в мавзолее эта орнаментика дана в более рельефных формах. Ее назначение - как бы уничтожить гладкую поверхность стены, придать ей впечатление легкости, неосвязаемости. Здесь, наоборот - орнаментика, данная в более плоских формах, не умаляет впечатления мощной гладкой стены, не разбивает ее, а как бы, наоборот, еще больше подчеркивает.

Примерно на половине высоты минарета вставлен пояс из резных терракотовых плит, содержав-

¹ О зарождении и развитии среднеазиатского минарета, см. М. Е. Массон. Краткая справка о среднеазиатских минаретах. Материалы Узкомстарица, вып. II—III. Ташкент, 1923, 3—10 и А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Л., 1930, 25—39.

ший надпись с датой постройки минарета и именем строителя - караханидского Арслан Мухаммед-хана. Эта надпись сохранилась только отдельными кусками. От имевшейся в ней даты сохранилось только одно слово «пятьсот».

На самом верху конической части минарета, над карнизом, на котором покоится верхний фонарь, была выложена другая надпись, выполненная голубой рельефной майоликой. Эта надпись была разрушена снарядом в 1920 г. и заменена при ремонте минарета, произведенным в 1923 г., пестрым мозаичным пояском совершенно произвольного рисунка.

Высота здания по измерениям 1933 г. равняется 46,5 м. Так же как и мавзолей Саманидов, это здание поражает своей прекрасной сохранностью. Отличный жженный кирпич и тщательно обожженный и размоленный алебастр слились в течение восьми столетий в прочный, как бы монолитный, массив. Единственная часть минарета, которая не сохранилась до нашего времени - его завершение, кровля. О том, какой она имела вид, мы не имеем никакого представления. Ни один из существующих древних минаретов этого типа не сохранил целиком своего верха¹.

Вторым, также крайне интересным, памятником караханидской эпохи является бухарская Намазгох (место праздничной молитвы, совершавшейся только два раза в год² По Мухаммеду Наршахи и Китаби мулла Задэ⁴ Намазгох построено тем же караханид-

¹ Минарет при соборной мечети предназначен для того, чтобы служить местом призыва на молитву. Имеются сведения, что кроме этого прямого назначения, минарет в прежние времена служил иногда местом казни; осужденного сбрасывали с его верхушки, почему минарет получил у русских прозвище «минарета смерти». Это название совершенно неизвестно местному населению.

² Кроме обычной мечети, в которой совершаются установленные ежедневные пять молитв (мачити пандж—вакт) у мусульман существуют еще пятничные мечети (джума, джа-

ским ханом Арслан Мухаммедом на месте разрушенного дворца Шамс-уль Мулька в 513 г. хиджры (1119/1120 г.), а затем перестроено по распоряжению эмира Тимура в конце XIV века (точная дата перестройки не указана). На основании данных, полученных при обследовании самого памятника, к этому можно прибавить, что здание подвергнуто было еще одной капитальной перестройке в конце XVI в. при Абдулла-хане.

Намазгох расположено в полукилометре к югу от города за воротами того же имени и представляет собою, собственно, большую площадь-сад, обнесенный глиняным дувалом. На западной стороне этого сада возведено небольшое здание с глухой западной стеной, в которой имеется михраб¹ и арочной галлереей на кирпичных массивных устоях, открытой на восток. Эта галлея делится на три связанные воедино части, расположенные с юга на север, каждая из них имеет купольное перекрытие. Средняя часть, расположенная против михраба, значительно выше и шире боковых и отмечена с восточной стороны высоким порталом.

Собственно древней караханидской частью этой постройки является только ее западная стена, сохранившая характерный стиль этой эпохи в своей архитектурно-орнаментальной обработке.

¹ Михраб—ниша в стене, имеющаяся обязательно в каждой мечети. Эта ниша отмечает направление киблы—условное направление на Мекку, куда мусульманин должен обращаться лицом во время молитвы.

ми), в которых молитва совершается один раз в неделю, по пятницам в полдень. Наконец, имеются еще мечети (муссалы, намазгох), где молитва совершается только два раза в год, в праздники фитр и курбан, рано утром. Такие намазгох имелись во всех более или менее крупных городских поселениях (Ташкент, Самарканд, Карши, Вобкент, Кассан, Гиждуван и др.).

³ Тарихи Наршахи. Литография. Бухара, 1904, 65—67.

⁴ Китаби-Мулла—Задэ. Литография, Бухара, 1905, 39—40.

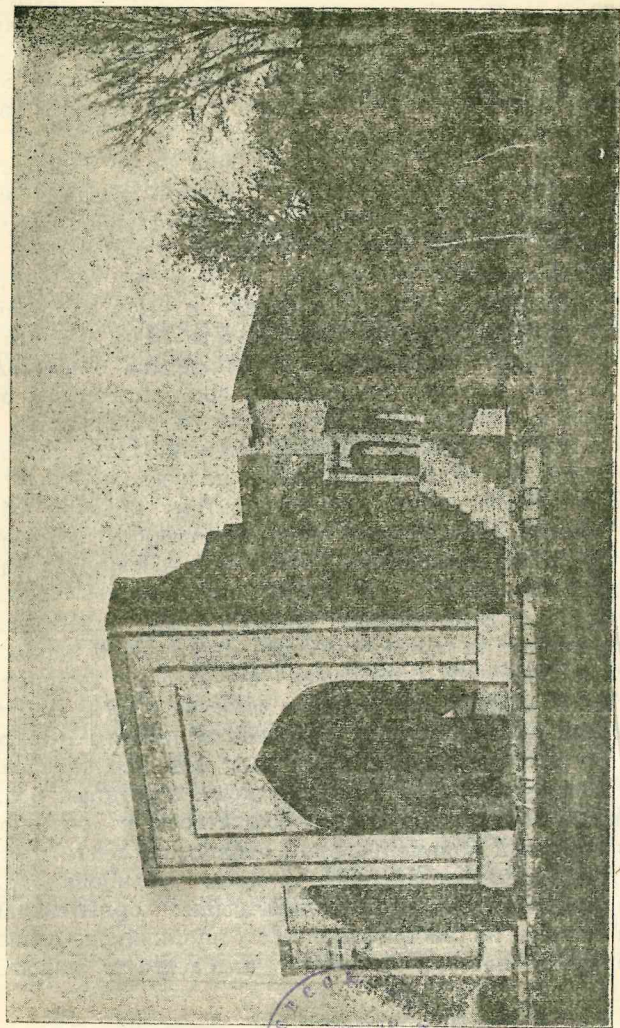
Среднюю часть стены занимает большая декоративная арка. В ней помещается ниша михраба. Тимпаны арки самого михраба, сохранившего остатки сталактитового терракотового заполнения верха, украшены простым геометрическим орнаментом крестиками, выполненным отшлифованными мелкими кирпичиками. Также выполнена широкая полоса надписи, обрамляющей михраб, содержащей многократно повторенное выражение «царство аллаху», и заполнение верхней части шиповой стены арки орнаментально трактованными арабскими надписями с именами пророка и первых халифов.

Но, кроме орнаментов, выложенных кирпичиками, здесь использованы и другие декоративные приемы: резная терракота в капителях колонн по бокам ниши и в боковых стенах арки и вставки из резного алебаstra. Наконец, над аркой михраба помещена четырехугольная майоличная надпись, возможно более позднего происхождения.

Несколько декоративных, мало углубленных арочек-ниш есть и в других частях стены. Ниши эти заполнены разнообразным узором из тех же терракотовых кирпичиков. В кладке неорнаментированных частей стен использован прием так называемых «бантиков» — попарно положенных кирпичей с терракотовыми вставочками между ними.

От XIX в. — эпохи Тимура, повидимому, не осталось в здании ничего, кроме вставок рельефных майоличных надписей в верхних частях этой стены. Майолика эта по своему выполнению сильно напоминает майоличную облицовку некоторых мавзолеев в Шахи-зинде в Самарканде и мавзолея Буян-кули-хана в Бухаре.

Вся остальная часть постройки возведена или, по крайней мере, перестроена в XVI в. при Абдуллахане. Характерны для XVI в. конструкции стен и сводов, мозаичная облицовка портала и встречающи-

Мечеть Намазгох — место праздничной молитвы

еся кое-где кусочки типичной для этого времени майолики. Таким образом, это здание является весьма сложным разновременным архитектурным комплексом, дальнейшее внимательное изучение которого может дать очень многое для выяснения эволюции среднеазиатской архитектуры.

Таким же, или быть может еще более сложным, комплексом разновременных частей является мечеть *Магоки-аттари*, пока еще недостаточно исследованная. Мечеть эта расположена поблизости к куполу Саррафон, к северу от него, на том месте, где находился в древности базар и была построена еще в ранне-исламскую эпоху мечеть Мах, о которой сообщает Наршахи¹. Не исключена возможность того, что при дальнейшем археологическом обследовании этого памятника удастся обнаружить и какие-нибудь остатки древней мечети. Пока же то, что известно об этой постройке не восходит дальше караханидской эпохи. Именно к этому времени (более точной даты указать пока невозможно) относится открытый раскопками 1934 г. южный портал здания, находившийся в земле: поверхность земли здесь, благодаря частому разрушению глинобитных и сырцовых построек, чрезвычайно сильно повысилась и накопился слой земли около 6 м толщиной, который совершенно закрыл нижние части мечети. Южный портал мечети, сходный по общим формам со множеством других известных нам порталов, начиная с мавзолеев в Узгене и кончая сотнями позднейших памятников, очень характерен и своеобразен по своей орнаментальной обработке. Здесь прежде всего использованы все те виды облицовки здания, которые уже упоминались выше: орнаментальная кладка из зашлифованных кирпичиков, резная терракота, вставки резного алебаstra и, наконец,

рельефная майолика. Также велико и разнообразие использованных орнаментальных мотивов—геометрический и растительный орнамент, надписи и сталактитовая, весьма сложная, обработка полукупола второй, внутренней арки.

Особенно интересно обработаны устои не сохранившейся большой арки, как бы четвертями колонны сдвинутым вместе. Этот мотив заставляет вспомнить обработку сохранившейся стены в работе Малик (XI в.) и в своей основе восходит к древнему доисламскому персидскому зодчеству, как это показывает изображение феодального замка на серебряном сасанидском блюде государственного эрмитажа¹.

Большая арка этого южного портала обрушилась очень давно: как показали раскопки еще в XV в. Но вход с южной стороны, равно как и еще не обследованный вход, имевшийся на северной стороне, были открыты все время, а так как накопившиеся культурные наслоения поднялись значительно выше этих входов, к ним вели вглубь кирпичные лестницы, теперь не существующие.

По своему плану мечеть представляет собою прямоугольник, вытянутый с запада на восток. Перекрыто здание системой купольных сводов, опирающихся на три пары массивных квадратных устоев, находящихся внутри мечети. Средний купол возведен на невысоком барабане, прорезанном окнами. Главный вход с восточной стороны, от базарной улицы. Почти вся восточная треть здания внутри занята широкой лестницей, ведущей вниз, в мечеть. Освещается здание, кроме окон среднего купола, окнами, в возвышающихся над уровнем земли верхних частях стен, по два с южной и северной стороны. Вся

¹ Тарихи-Наршахи, 26.

¹ Воспроизведение этого блюда см. Diez, Ernst, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1915, 61.

верхняя часть здания с его арками, сводами и куполами возведена значительно позднее описанного выше портала и относится к XVI в. (по имеющимся сведениям, к 1541—1542 г.), за исключением небольшого портала с восточной стороны, построенного уже в XX столетии.

Таковы те памятники караханидской эпохи, которые дошли до нашего времени. Они дают достаточно ясное представление о стиле зодчества того времени, зодчества корнями своими связанного с древним искусством еще домусульманского Ирана, но претерпевшего значительные изменения под влиянием новой исторической обстановки и новой стадии в развитии феодальных экономических отношений.

IV

Бурный и беспокойный в истории Средней Азии XIII в., начавшийся монгольским завоеванием, когда отношения между различными общественными группировками еще больше осложнились вследствие при-внесенных монголами элементов родового быта, удельной системой и междоусобицами между потомками Чингизхана и главарями монгольских родов, не оставил в Бухаре никаких архитектурных памятников. Нам неизвестно пока — строилось ли в городе что-нибудь за время с конца XII до середины XIV в. Тем не менее, экономическая и культурная деятельность за это время, как указано выше, не прекращалась. В других, находившихся в это время в более благоприятных условиях, центрах, как Ургенч, строительная деятельность была весьма интенсивной и Ургенч сохранил ряд прекрасно выполненных произведений архитектурного искусства. Таким образом, строительная традиция не только не угасала, но продолжала интенсивно развиваться¹.

¹ Памятники Ургенча описаны А. Ю. Якубовским. Развалины Ургенча. Изв. ГАИМК, VI, в. II, А. 1930.

Следующим по времени зданием в Бухаре является небольшой мавзолей над могилой одного из последних ханов чингизхановского дома Буян-кули-хана, умершего в 1359 г. Временем его смерти можно без особой ошибки датировать и самую постройку. На здании дата не сохранилась так же, как не сохранилось и никаких исторических сведений об этом здании.

Мавзолей *Буян-кули-хана* представляет собой небольшое здание, прямоугольное в плане, разделенное внутри на две неравные части: переднюю — квадратную, перекрытую куполом и небольшую заднюю, в которой находится могила хана. Здание ориентировано входом на восток.

Над входом возвышается небольшой портал остающийся характерной и обязательной частью почти для всех последующих памятников зодчества. Здесь эта порталная часть получила уже очень определенное развитие. На нем сосредоточено главное внимание зодчего при оформлении внешнего вида здания.

Весь мавзолей внутри и снаружи облицован исключительно тонко выполненной рельефной майоликой, в некоторых местах, как например в тимпанах большой арки портала, прекрасно до сего времени сохранившейся. Гамма тонов этой майолики весьма сдержана и строга: белый, голубой, синий и марганцево-фиолетовый (черный). Мотивы орнамента — геометрического и растительного — чрезвычайно разнообразны и богаты. Возможно, что в этом здании мы имеем пример наиболее высокой техники выполнения рельефной резной майолики. Даже прекрасные образцы этого рода в самаркандском Шахи-зинда уступают этому мавзолею и в чистоте тонов, и в изяществе резьбы.

Мавзолей, никем неподдерживаемый и заброшенный, находился ко времени революции в сильно

разрушенном виде: в стенах зияли большие проломы, купол главного помещения наполовину обрушился, пол мавзолея был покрыт толстым слоем строительного и прочего мусора. Здание отремонтировано было в 1926 г.

Упомянутые памятники Ургенча дают нам возможность выяснить эволюцию нового стиля, который можно условно назвать монгольским, отличного от стиля караханидских построек и дающего новую, весьма своеобразную фазу развития среднеазиатского зодчества. Не имея здесь возможности углубляться в детальный анализ эволюции стиля, а равно и породивших эту эволюцию социально-экономических сдвигов, отметим лишь, что описанный мавзолей Буян-кули-хана, построенный непосредственно почти перед началом деятельности Тимура, — один из лучших образцов зодчества этой эпохи и очень важное звено для изучения среднеазиатской архитектуры.

Рядом с мавзолеем Буян-кули-хан, к юго-востоку от него расположено другое, значительно более крупное здание с высоким порталом и двумя большими куполами, возведенное над могилой известного шейха и религиозного писателя — *мечеть и мавзолей Сайфиддина Бохарзи*, умершего в 1262 г. Это здание также представляет значительный интерес по своим архитектурным особенностям. Ни дата его постройки предположительно близкая к дате постройки мавзолея Буян-кули-хана, ни дальнейшая история этого памятника пока неизвестны. Во всяком случае, это здание подвергалось многочисленным и разновременным перестройкам и ремонтам и в значительной мере утратило свой первоначальный вид.

Здание состоит из двух частей, расположенных по одной оси с запада на восток. Каждая из них в плане квадратная. На восточной стороне главный вход с массивным порталом, возведенным по некото-

рым непроверенным сведениям при Тимуре. Первое, большее по размерам помещение имеет еще два боковых входа. Оно покрыто куполом на низеньком барабане с прорезанными в нем окнами, довольно хорошо освещающими помещение. Тромпы купола довольно обычные — нишевидные, с декоративным алабастровым сталактитовым заполнением. Крайне интересны прямоугольные ступенчатые ниши в углах под этими тропками, заставляющие предполагать, что конструкция и вид тропков были некогда совершенно другими и что верхняя часть здания, как это нередко в Бухаре, возведена позднее, взамен обветшавшей древней.

Второе, меньшее помещение примыкает с запада к первому и имеет только один вход из большего помещения. Оно также квадратное в плане, также перекрыто широким куполом на нишевидных тропках и освещается через окна барабана в куполе.

Собственно, это помещение и является мазаром, где был погребен Шейх Бохарзи и его потомки. Здесь находилось то исключительное по тонкости работы и по художественности выполнения деревянное надгробие, часть которого хранится в настоящее время в бухарском музее (другая часть этого надгробия была похищена еще до революции). Это надгробие представляет собой один из самых блестящих образцов древней резьбы по дереву, достигшей прекрасной техники и высокого стиля. По времени оно должно быть близко к смерти шейха Бохарзи, т. е. изготовлено или в конце XIII, или в начале XIV в.¹ По общему приему заполнения поверхности геометрическим звездчатым орнаментом и вставками с мелким

¹ Фотография части этого надгробия воспроизведена у Б. П. Денике Прикладное искусство Средней Азии. Сборн. „Художественная культура Советского Востока“. М.—Л. 1931, табл. VIII, 2. На стр. 65 неправильно указано, что это надгробие происходит «из Бахауддина».

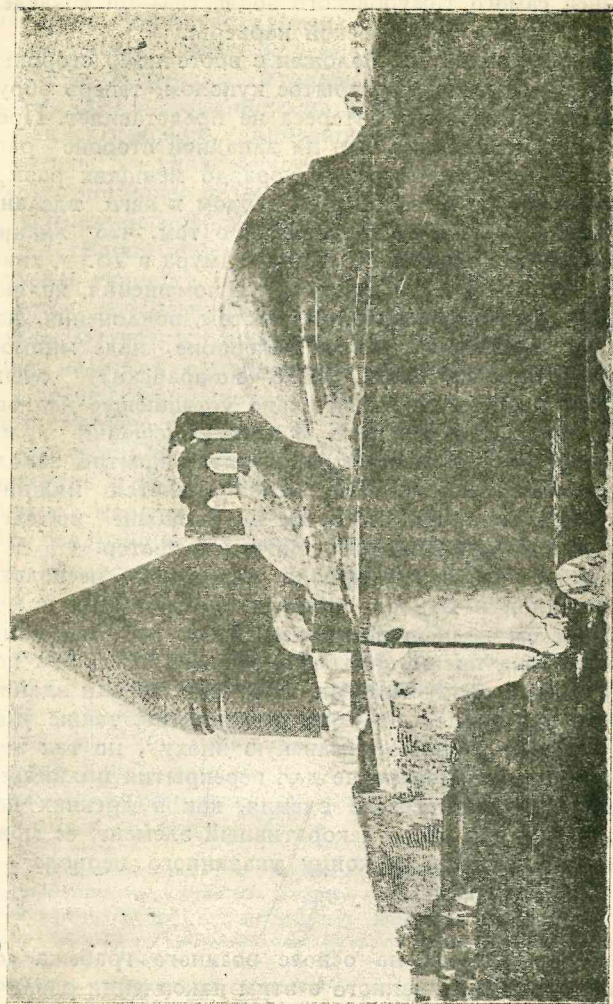
растительным орнаментом, а также и по самому стилю оно сходно с надгробием, находящимся в каирском музее и датируемым XIII в¹.

По сторонам большой арки портала, по переднему фасаду, имеется несколько небольших келий, вход в которые идет из большого помещения.

Несмотря на то, что, видимо, к поддержанию здания в целом виде прилагалось известное старание (мазар шейха Сайфиддина Бохарзи считался одним из наиболее уважаемых и посещаемых «святых мест» в Бухаре), сохранность здания весьма неудовлетворительна. В необычайно толстых стенах его много трещин и разного рода деформаций, причиной чего является болотистый грунт, на котором оно возведено при незначительной глубине фундамента.

Близко по времени к этим памятникам стоит здание на кладбище Чашма-аюб. Предание называет его, правда, постройкой Мухаммад-Арслан-хана, строителя минарета и Намазгох. Возможно, конечно, что впервые это здание и было построено в XII в., но, во всяком случае, оно подверглось основной перестройке по распоряжению эмира Тимура. Собственно, к этому времени должна относиться западная часть здания, увенчанная своеобразным коническим куполом-шатром на высоком барабане с небольшими боковыми помещениями на север и на юг от него. Восточная часть здания возведена, согласно существующему преданию, в XVI в. Таким образом, не считая уцелевших фрагментов изразцовой облицовки Намазгох, этот памятник представляет собой единственный образец, пышно расцветшего в Самарканде и Шахриябсе тимуровского строительства, образец очень скромный и не идущий ни в какое сравнение с теми постройками, но очень важный именно для выяснения

¹ Diez, Ernst цит. раб., 304.

Мазар Чашма-аюб

генезиса самого тимуровского зодчества—он возведен почти в начале тимуровской карьеры.

Вход в здание расположен с восточной стороны. Первое помещение, перекрытое куполом, теперь обрушившимся, большого интереса не представляет. Против входа, по той же оси, на западной стороне расположено второе помещение гораздо меньших размеров, квадратное в плане. Над входом в него вделана майоличная плита, повествующая о том, что здание возведено по приказанию эмира Тимура в 785 г. хиджры (1383—84 г.). Внутри этого помещения, являющегося, собственно, мазаром, местом, поклонения, находится деревянное резное надгробие над мнимой могилой пророка Иова (Аюб—по-арабски) очень хорошей работы, но значительно уступающее надгробию Сайфиддина Бохарзи. В этом помещении крайне интересно выполнено купольное перекрытие, заполненное сталактитами. Этот купол является нижним куполом здания, над которым на барабане выведен упомянутый уже внешний конический шатер.

Коническая форма купола, кажущаяся несколько неожиданной в Бухаре, имеет много аналогии в мусульманском зодчестве, причем, судя по уцелевшим зданиям, она преимущественно связана именно с погребальными сооружениями. Этот тип кровли здания встречается с X по XIV в. и, вероятно, также уходит корнями в домусульманскую эпоху¹, но так как здесь она использована не для перекрытия цилиндрического или конического здания, как в древних постройках, а как чисто декоративный элемент, ее можно скорей отнести к концу указанного периода — времени Тимура.

V

Развернувшееся на основе военного грабежа соседних стран и связанного с этим накопления различ-

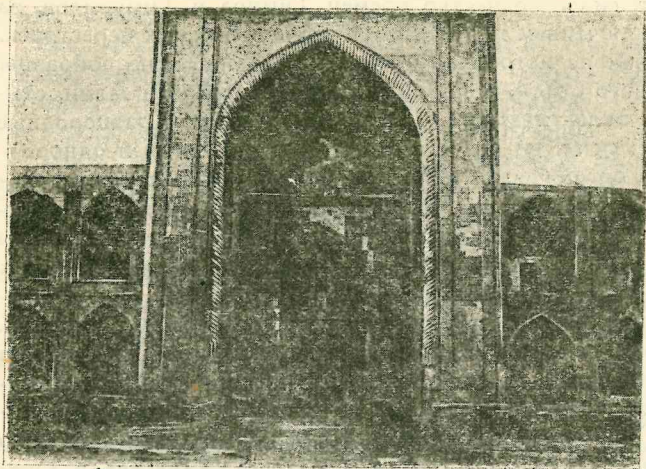
¹ Diez, цит. раб., 71 и 72.

ных богатств, в том числе и дешевой рабской рабочей силы, зодчество времен Тимура и Тимуридов, за исключением приведенных незначительных перестроек, почти не затронуло Бухары. Наивысшие образцы нового стиля, созданного на почве Средней Азии, стиля эклектического, впитавшего в себя разнородные элементы, но спаявшего все эти элементы в однородное органическое целое, находится почти исключительно в тимуровской столице Самарканде и на его родине—в Шахрисябзе. Единственным исключением для Бухары является медресе Улугбека, одно из трех медресе, построенных этим правителем (в Самарканде, Бухаре и Гиждуване) и старейшем из них. Оно является одновременно старейшим из медресе в Средней Азии, хотя существование медресе в Бухаре отмечено еще в IX в. (сгоревшее во время одного из пожаров медресе Фараджак)¹. Как это было выяснено в моей статье о медресе. Улугбека в Гиждуване², медресе Улугбека послужили каноном для всех позднейших построек этого назначения.

Бухарское медресе построено в 820 г. (1417 — 18 г.), как гласит надпись на самом здании. В 994 (1586 г.) оно подверглось капитальному ремонту, причем вид здания сильно изменился. Вместо обветшавшей и осыпавшейся углубековской облицовки, во многих местах, в особенности на переднем фасаде, здание было облицовано вновь майоличными расписными плитками, резко отличающимися по тону и характеру рисунка от старых облицовок XV в.

¹ Медресе является высшим типом мусульманской религиозной школы. Студенты медресе (талаба, мулла-бачча) жили в здании медресе, в небольших комнатах (худжра); Бухара была главным среднеазиатским центром мусульманской образованности. Число медресе в ней доходило до 168 с числом учащихся от десяти до двенадцати тысяч человек.

² В. А. Шишкин. Медресе Улугбека в Гиждуване. Материалы Узкометариса, вып. II—III. Ташкент. 1933, 11—18.

Медресе Улугбека

Это здание, как и всякое другое медресе (ибо медресе Улугбека — прототип), состоит из квадратного двора, окруженного двухэтажной аркадой, под каждой аркой которого имеется вход в худжру. На северной и южной сторонах двора выведены высокие арки, прорезающие оба этажа аркад. Особенно развита в медресе передняя часть здания со стороны улицы, где по обе стороны от входного, разветвляющегося на две части коридора, расположены два значительных помещения, перекрытых куполами и занимающих по высоте оба этажа здания. Слева — помещение мечети, справа — «дарс-хана» — аудитория.

Бухарское медресе несравненно более скромно и по размерам и по богатству декоративной обработки, чем медресе Самарканда, но тем не менее оно является прекрасным, правда, сильно испорченным позднейшими переделками, памятником тимуридского зодче-

ства. Здесь налицо все отличительные особенности этого зодчества. Чрезвычайно точно и с большим умением разработаны основные пропорции и конструкции здания. Особенно это чувствуется в оформлении пространства двора, стройных пропорциях арок, ритмичном чередовании уменьшающихся в глубину трех арок портала. Не меньшее мастерство проявлено строителями и в декоративных работах, где им в силу скромности заданий пришлось ограничиться самыми скромными средствами — облицовкой майоличными плитами с растительным орнаментом, надписями строгого рисунка и такой же строгой выдержанной расцветки и мозаикой из простых и поливных кирпичей. Еще одна, но основная отличительная особенность этого здания, по сравнению с позднейшими архитектурными сооружениями, особенно XVII в. — декорация здесь вполне соответствует конструкции. Нет ничего явно декоративного, что не являлось бы одновременно и конструктивным или подчеркивающим и усиливающим конструктивные формы.

Медресе Улугбека является одной из очень многих построек в Бухаре, имя автора которой нам известно из надписи на самом здании. Строил его, как, повидимому, и большую часть других памятников этой эпохи, иноземный мастер — Исмаил, сын Тахира, исфаганец.

VI

Как уже сказано было выше, в первое время после узбекского завоевания, весь XVI и частично XVII в. явились в Бухаре временем широко развернувшегося строительства. Бухара сделалась в эту эпоху снова столицей государства, местожительством хана и окружавшей его феодально-бюрократической и военной знати. Снова стали стекаться сюда богатства, получавшиеся в результате эксплуатации земледельческого населения и грабежа соседей и, пока еще общее обни-

щение страны, вследствие упадка производительных сил, прекращения экономических связей с другими странами и обеднения задавленного налогами крестьянства не удалось слишком резко сказаться, значительная часть этих богатств была обращена на украшение ханской столицы постройкой больших зданий. Здесь имело, конечно, еще значение и стремление центральной власти опереться на некоторые слои населения: постройка мечетей и медресе сопровождавшаяся учреждением обширных вакфов¹, производилась в интересах духовенства, а постройка базаров и караван-сараяв — торгового и ремесленного населения города.

По сравнению с бухарским зодчеством предшествующих времен следует отметить одну существенную особенность: замыслы строителей были большими. В эту эпоху строились здания таких размеров, каких прежде не было в Бухаре. Самые большие по размерам сооружения — соборная мечеть, медресе Мири-араб, Кош-медресе, медресе Кукельдаш относятся к этому времени. Возможно, что здесь сыграло роль стремление подражать строительству непосредственных предшественников — Тимуру и его переемникам ведь здания, возведенные Тимуром, еще более велики (Ходжа-Ахмад-ясаи в Туркестане, мечеть Биби-ханым, Ак-сарай в Шахризьбсе), но возможности новых строителей были значительно более ограничены. Поэтому мы наблюдаем почти во всех этих зданиях небрежность выполнения, стремление построить побольше и подешевле. Дорогие приемы декорации старых мастеров сводятся к самым легким и дешевым — майоличным плитам и мозаике из поливных и простых кирпичей. Эффектная резная глазурная мозаика, широко применявшаяся тимуридскими зодчими, упот-

¹ Вакф — движимое или недвижимое имущество, завещанное в пользу мечети, мазара, медресе или потомства завещателя.

ребляется лишь кое-где изредка и никогда не приближается к ее лучшим образцам. Декорация здания в некоторых случаях закрывает конструктивные формы, совершенно не соответствуя им, теряется строгость и точность пропорций. Недостаточная тщательность постройки сильно сказалась на сохранности очень многих зданий этой эпохи к нашему времени. Они сохранились хуже, чем некоторые значительно более старые здания, как мавзолей Исмаила Самани, минарет и т. д.

Но так как эти здания, построенные при ханах Убайдулла (1533 — 1539), Абдулазизе (1540 — 1549), Абдулла Хане (1557 — 1598), Абдулазизе II (1645 — 1680) и других, в сущности, создают физиономию той феодальной Бухары, которая дожила до Октябрьской революции, с одной стороны, и, с другой, что памятники XVI и XVII веков сосредоточены, главным образом, в Бухаре, и в наиболее характерных к тому же образцах, изучение их необходимо для уяснения дальнейшей эволюции среднеазиатского архитектурного искусства, тем более что и среди этого упадочного, по сравнению с прежним, зодчества есть немало образцов большого искусства и технического мастерства, интересующих нас как «культурное наследие».

Первое место в ряду этих памятников принадлежит *Большой соборной мечети (Мачити-калян)*; построенной на месте старой караханидской в 947 (1540 — 1541) г.

Это здание в большей мере чем все другие сооружения XVI — XVII в. в Бухаре, является произведением живых еще тимуридских традиций как в разработке пропорций, так и в трактовке декоративных элементов, но все же с некоторыми отступлениями, которые выделяют ее из тимуридского зодчества.

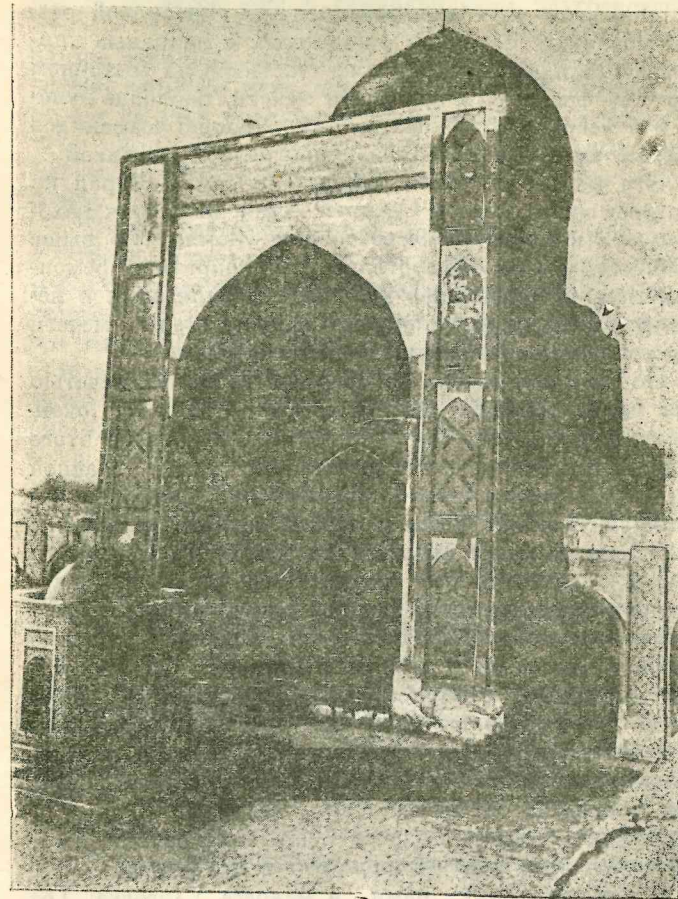
По своему плану эта мечеть повторяет построенную на 140 лет раньше соборную мечеть Тимура в

Самарканде, называемую Биби-ханым¹. Этот тип мечети восходит к первым мусульманским мечетям, которые представляли собой первоначально просто прямоугольный двор. Позднее этот двор окружается крытыми галереями, направление кыблы, куда обращаются лицом молящиеся, выделяется возведенным здесь более высоким помещением с куполом². Мечети этого типа в различной архитектурно-стилистической обработке и выполненные из различного материала (дерево, кирпич, камень) встречаются во всех странах мусульманского мира от Индии и Средней Азии до Кордовы включительно.

По своим размерам и богатству отделки бухарская соборная мечеть никоим образом не может соперничать с самаркандской Биби-ханым, но все же она является сооружением весьма крупным. В середине мечети — огромный выложенный кирпичем прямоугольный двор. Прямо против входа, находящегося в середине восточной стены, и отмеченного относительно невысоким порталом, возвышается главное здание мечети с высоким порталом, квадратное в плане, перекрытое куполом на нишевидных парусах. Над этим куполом, на высоком барабане, возведен второй купол, покрытый голубыми изразцовыми кирпичами. Вдоль всех остальных стен идут в несколько рядов крытые галереи из жженого кирпича на массивных устоях, с купольными кровлями. Чтобы разбить однообразие длинных аркад, на северной и южной сторонах, эти аркады рассечены двумя, по одной на каждой стороне, более высокими арками. Кроме главного восточного, в мечети имеется еще шесть боковых входов.

¹ М. Е. Массон. Соборная мечеть Тимура, известная под именем мечети Биби-ханым. Ташкент, 1926. В. Л. Вяткин, Памятники древностей Самарканда. Самарканд, 1929, стр. 15—19.

² Riviera. Moslem Architecture, its origins and development. London. 1918, стр. 1—45.

Внутренняя арка Мачити—калян

Мечеть была некогда довольно богато облицована майоличными плитками хорошего четкого рисунка, напоминающего улугбековские образцы, изразцовой резной мозаикой, мозаикой из простых и поливных кирпичей. Облицовка сохранилась частично на восточном портале, фасаде главной части мечети, барабане купола и в некоторых других местах. Хорошо сохранился михраб, выполненный изразцовой резной мозаикой.

Эта мечеть — самая крупная и самая старая из построек этого типа в Средней Азии, не считая находящуюся в руинах состоянии упомянутую выше Биби-ханым. Она подвергалась неоднократным ремонтам. Весь юго-западный угол мечети переложен в недавнее время. Накренившиеся наружу стены мечети укреплены многочисленными контрфорсами.

Почти одновременно с большой соборной мечетью (на 5 лет раньше — в 942 (1535 — 1536 г.) окончена постройка медресе *Мири-араб*. Постановка этого медресе против входа в мечеть, по одной главной оси с ней, имела целью архитектурно оформить находящуюся между ними площадь, создать цельный и законченный архитектурный ансамбль. Стремление к такому архитектурному оформлению улицы или площади, с определенным, заранее рассчитанным эффектом, в архитектуре Средней Азии, явление довольно обычное. Достаточно привести примеры архитектурных ансамблей самаркандского Регистана и Шахи-зинда. Есть несколько примеров таких ансамблей также и в Бухаре. Это явление говорит, конечно, о наличии художественной культуры и крепких архитектурных традициях среднеазиатского зодчества.

Основные части медресе и его план вполне соответствуют типу выработавшемуся в предыдущую эпоху и наблюдаемому нами в медресе Улугбека. Тот же квадратный двор, окруженный двойной аркадой худжр-келий, рассеченный на каждой стороне высокой аркой. В медресе *Мири-араб* эти арки, в отли-

чие от бухарского медресе Улугбека, возведены на всех четырех сторонах, но этот прием также не нов. Он встречается уже в самаркандском улугбековском медресе. Слева и справа от входа, разветвляющегося на два коридора, находятся большие помещения, отмеченные снаружи куполами на высоких барабанах. Северное из этих помещений использовано под усыпальницу строителя медресе Абдулла Еменского, прозванного *Мири-араб*, влиятельного в свое время шейха¹.

Здание характеризуется, по сравнению с медресе Улугбека, некоторой сухостью в общих формах и разработке отдельных элементов и размельченностью в декоративных украшениях. Передний фасад почти совсем потерял свою облицовку, сохранившуюся только отдельными цветными пятнами. Довольно хорошо сохранилась мозаичная изразцовая облицовка над южной аркой во дворе, хорошей работы и чистых тонов. Есть много интересных деталей — заполнение полукупола северной и восточной арок во дворе алебастровой декоративной лепкой со вставками изразцовых украшений, обработка сводов над входами в медресе, система купольных сводов на «нервюрных» подпружных арках в мечети и усыпальнице, изразцовая панель в усыпальнице и т. п. Один из наружных куполов — северный сохранил еще свою голубую облицовку. Крайне интересна чрезвычайно смелая и легкая конструкция арки на южной стороне двора.

Особенно энергично развернулась строительная деятельность шейбанидских ханов и их придворных во второй половине XVI века во время правления Абдулла-хана, когда произошло объединение значительной части шейбанидских владений под властью бу-

¹ Некоторые сведения о шейхе Абдулла Еменском, выходе из Аравии, и о построенном им медресе имеются в статье С. Айни в журн. «Маариф ва укутуи», № 5 за 1928 г.

харского хана. За довольно длительный период его правления с 1557 по 1598 г. в Бухаре было построено несколько крупных медресе, мечетей, обстроены были базары и т. д.

Одной из ранних построек времени Абдулла-хана является небольшое медресе *Гаукушан*, находящееся неподалеку от современного торгового центра города, по дороге к Каракульским воротам. В силу его незначительной величины, в этом здании не получили достаточного развития все те части, которые согласно выработанному канону должны в нем быть. Прежде всего это здание одноэтажно, второй этаж построен только над передней, восточной частью медресе. От входа в медресе во двор идет только один, изгибающийся под прямым углом, проход-коридор, а не два, как это бывает обычно. Вместо двух больших помещений, по обе стороны от ворот, здесь имеется только одно — в северо-восточном углу, служившее одновременно и мечетью и аудиторией. Построено здание в 978 г. х. (1570 — 1571) на средства джуйбарского ходжи.

В этом здании, выполненном весьма неплохо, мы встречаем впервые характерную «абдуллахановскую» майолику, которая заполняет тимпаны арок и составляет полосы надписей на переднем фасаде и на западной стороне двора. Эта очень характерная майолика резко отличается от майолики медресе Улугбека и мечети Калян своей техникой и рисунком. Майоличные плитки заполнены мелким растительным орнаментом, состоящим из спиральных ветвей — завитков, листочков и цветков. Цвета — белый, бирюзово-голубой, иногда зеленый по темносинему фону. Характерны расплывчатые контуры рисунка: при обжиге плиток соседние тона как-бы размазывались, входили один в другой, чего не наблюдается никогда на более старых майоликовых плитах.

Но все же, несмотря на явный технический упадок керамических облицовок, чистота и блеск глазурей, глубина и ясность тонов, сложный и уверенно нарисованный орнамент доказывают, что старые навыки и секреты производства у мастеров того времени были налицо и лишь воля заказчиков — феодалов нового склада, гнавшихся в первую очередь за масштабом построек, заставила их перейти к этому типу облицовки, менее блестящей, но более дешевой и быстрой в исполнении.

Стремление строить быстро и дешево сказалось на памятниках эпохи Абдулла-хана не только в декорациях, само техническое выполнение зданий далеко не стоит на прежней высоте. При ремонтно-реставрационных работах Бухкомстариса неоднократно пришлось убедиться в том, что стены здания обычно лишь облицованы целым жженым кирпичем, внутри же они заполнены половинками и мелкими обломками кирпича на глиняном растворе. Этим обстоятельством и объясняется, главным образом, то явление, что памятники XVI в. в Бухаре особенно подвержены всякого рода деформациям и разрушениям. В частности, в медресе Гаукушан, где уже за время после революции пришлось предпринимать дважды крупные работы (в 1927 и 1933 гг.) грозил падением северо-восточный угол, а затем южная аркада во дворе мечети.

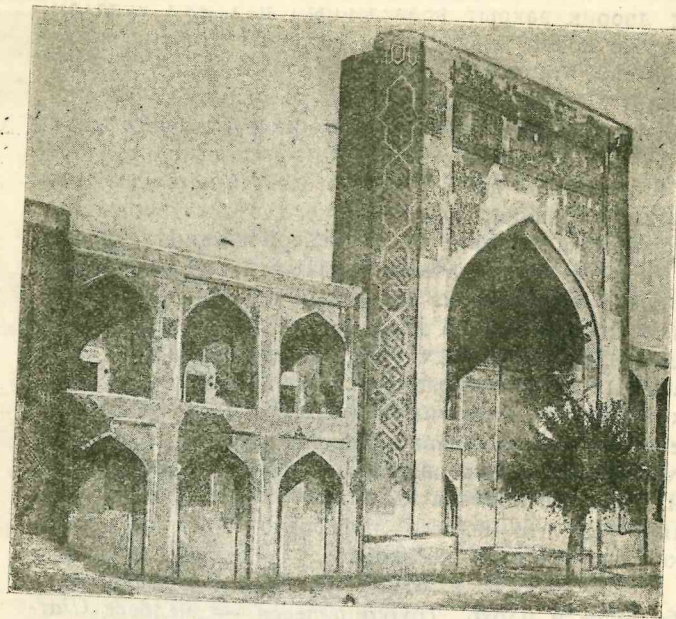
Медресе *Кукельдаш* построено приближенным ханом Кул-баба Кукельдашем в 986 г. х. (1578 — 1579). Это огромное здание — самое большое медресе в Бухаре по занимаемой им площади. По своей конструкции оно довольно обычно и отличается от других памятников этого типа аркадой в верхнем этаже, проходящей по боковым и задней сторонам здания снаружи. В медресе Кукельдаш особенно сильно сказалась та небрежность и недоброкачественность выполнения, которая отмечена в медресе Гаукушан. Здание сохранилось весьма плохо, несмотря на то, что.

оно еще в старое время подвергалось неоднократно весьма капитальным ремонтам: большая арка переднего портала рухнула и выложена вновь, переложена вся аркада верхнего этажа на восточной стороне двора и т. д. В настоящее время в здании немало сильных деформаций, трещин и разрушенных мест (особенно в катастрофическом состоянии находится юго-западный угол медресе с угловой башней, в которой зияют глубокие трещины). Есть значительные разрушения на восточной стороне здания.

Плохо сохранило медресе Кукельдаш и свою изразцовую облицовку. На северной и западной наружной сторонах уцелела кое-где мозаика из простых и глазурованных кирпичей. Внутри, во дворе, фрагментарно сохранилось заполнение тимпанов больших арок майоличными расписными плитками, облицовка тимпанов некоторых малых арок и две надписи — одна под южной, другая под северной аркой во дворе.

Но, несмотря на такую плохую сохранность, медресе Кукельдаш следует признать весьма интересным архитектурно-художественным памятником как по общему разрешению основных масс, так и по отдельным деталям выполнения.

Гораздо лучше, чем медресе Кукельдаш, сохранились два медресе, находящиеся одно против другого в гузаре Кош-мадрасса, что значит «двойное медресе» (теперь гузар Мирза Мустафа). Одно из них — восточное построено от имени матери Абдулла-хана (Модари-хан — мать хана) в 974 г. х. (1566—1567), второе — западное, именуемое медресе Абдулла-хана, окончено в 998 г. х. (1589—1590). Медресе Модари-хан меньше по размерам и скромнее по декоративным украшениям. Только лишь передний фасад медресе обильно украшен мозаикой из простых и поливных кирпичей, которая покрывала полностью угловые башни, пилястры аркад, внутренние части большой и малых арок. Теперь эта облицовка

Медресе Абдулла-хана

сохранилась не больше, чем наполовину. Тимпаны арок и надпись над входом в медресе с персидскими стихами, в которых содержится, между прочим, дата постройки, выложена майоличными плитками с растительным орнаментом. Внутри медресе, двор почти лишен изразцовых украшений. Также просты, без украшений, помещения мечети и аудитории.

Медресе Абдулла-хана, находящееся напротив, значительно больше. В его плане и конструкции есть некоторые особенности: в задней, западной части медресе имеется как бы второй добавочный восьмиугольный дворик, окруженный худжрами в два этажа, но

этот дворик закрыт возведенным над ним куполом. Этот же прием повторен на северной стороне медресе, но там эта конструкция дана отдельно в каждом этаже и в значительно меньших размерах. С северной стороны к медресе пристроены еще добавочные худжры («Чиль-худжра»), двери которых выходят на север в отдельный двор. Судя по стене и остаткам арки на южной фланкирующей башне, с этой стороны была также какая-то пристройка, теперь не существующая.

Медресе Абдулла-хана было довольно богато украшено мозаикой из поливных кирпичей и расписной майоликой как на переднем фасаде, так и внутри во дворе. На щековых стенах большой арки портала и в ложных декоративных куполах над входом во двор, так же как и в других медресе, расчленяющемся на две части, использована довольно грубая мозаика из поливных и терракотовых квадратиков. В верхней части переднего портала здания имеется надпись, гласящая о том, что медресе построено Абдулла-ханом и закончено в 998 г. хиджры.

К 1595—1596 г. относится еще одно медресе — небольшое и плохо сохранившееся — *медресе Фатхулла-кушбеги*, построенное на дороге, ведущей к Маварским воротам (в гузаре Мухаммад Саид). Верх переднего портала этого медресе обвалился, имеются значительные разрушения внутри. Под большой аркой портала отдельными кусками сохранилась надпись, в которой с трудом можно прочесть, что здание построено «во времена Абдулла-хана».

К той же эпохе Абдулла-хана относятся два уникальных памятника декоративного искусства: *хонак*¹ *Ходжа Зайниддина* и *мечеть Балянд*. Первая из них расположена к юго-западу от Большой соборной ме-

чети, над хаузом того же имени, и представляет собой здание из жженого кирпича. Основная часть здания — мечеть, квадратная в плане. С западной стороны к ней пристроено несколько худжр и мазар Ходжи Зайниддина, отмеченный высоким тугом¹. Основное помещение мечети покрыто довольно широким куполом на нишевидных стрельчатых парусах. С северной и восточной сторон к этому зданию пристроен навес — айван с резным наборным потолком, который некогда был покрыт росписью, на деревянных столбах с наборными же деревянными сталактитовыми капителями, теперь по большей части утраченными.

Наибольший интерес в этом памятнике представляет отделка стен внутри мечети. Нижние части стен в ней одеты изразцовой мозаичной панелью, хорошо выполненной, все стены, паруса и купола покрыты росписью в особой технике, которая определяется обычно словом «кундаль». Техника эта состоит в том, что первоначально на оштукатуренную алебастром поверхность наносится тонкими четкими линиями контур рисунка, почти исключительно растительного, затем части рисунка, изображающие ветви, листья, цветы и т. д. покрываются очень толстым слоем особой красноватой охристой земли называемой «кундаль». Рисунок вследствие этого становится рельефным. Подготовив, таким образом, расписываемую поверхность, выпуклые части рисунка покрывают позолотой и закрашивают фон преимущественно синей краской. В результате получается впечатление золотых накладных узоров на темносинем бархатистом матовом фоне. Подобные росписи есть в двух памятниках Самар-

¹ Тугом называется высокий шест, укрепляемый вертикально на мазаре. Иногда их бывает несколько. На вершине шеста подшивается хвост яка и флаг из материи, а конец шеста украшается особым металлическим наконечником, часто металлическим изображением руки («панджа»).

канда, относящихся к Тимуридской эпохе: мавзолеях Ак-сарай и Ишрат-хана¹.

В настоящее время, конечно, можно только мысленно представить себе эффективность этой росписи позолота и краски потускнели и слиняли, кундаль во многих местах осыпался и утратился рисунок, но, тем не менее, даже сохранившиеся следы росписи, в соединении со сложной сталактитовой лепкой сводов и парусов производят впечатление большого изящества и утонченной художественной работы, выполненными которой были крепостные абдуллахановские мастера, может быть рабы.

Еще, пожалуй, более изящна небольшая и чрезвычайно простая по архитектурным формам мечеть Баланд (в гузаре Абдул-халим, к югу от Кош-мадраса). Будучи поставлена на возвышении, обложенном тесанным известковым камнем (откуда и происходит ее название, что значит «высокая»), мечеть представляет собою куб, образованный толстыми стенами из жженого кирпича, с балочным перекрытием и обычной земляной крышей. Так же как и в хонако Ходжа Зайниддина, с северной и восточной стороны к мечети пристроен деревянный айван с наборным росписным потолком.

Внутри мечети нижние части стен также покрыты изразцовой панелью. На восточной стороне панель выложена зелеными шестиугольными плитками, на северной и южной сторонах шестиугольными же плитками темносинего глубокого тона. На этих плитках сохранились следы росписи тонкими золотыми линиями («твореным золотом»), заполнявшими растительного характера орнаментом отдельно каждую плитку. Панель на западной стене покрыта изразцовой резной мозаикой с мелким растительным орнаментом. Над изразцовым (резная мозаика) мих-

рабом—нишей, изразцовые же мозаичные панно, окруженные с боков и сверху прямоугольником арабской коранической надписи, выполненной в той же технике. Стены здания покрыты, как и в мечети Ходжа Зайниддина, живописью по «кундалю». Плоский, наборный, покрытый росписью потолок мечети подвешен к балкам крыш на толстых железных цепях.

Точные даты постройки и той и другой мечети неизвестны.

Из подстроек культового назначения, возведенных при Абдулла-хане, следует отметить еще находящуюся на некотором расстоянии от города на восток мечеть *Файзабад*.

Эта мечеть (или точнее—хонако) отличается удлинненными вверх пропорциями своего высокого портала, своеобразными аркадами—галереями на северной и южной сторонах здания и обширным куполом без барабана. Под большой аркой портала сохранилась надпись сообщающая, что здание построено во времена Абдулла-хана сановником Дуст Диванбеги в 1598—1599 г.

В самой Бухаре к этому же времени относится еще крупная мечеть, являющаяся одной из соборных мечетей—мечеть Ходжа (Гаукушан), с невысоким минаретом, подражающим своей формой и облицовкой минарету большой соборной мечети. Мечеть представляет собой большой двор, окруженный как и в большой мечети, сводчатой галереей на кирпичных устоях. На восточной стороне—портал, на западной стороне двора—главное здание мечети с куполом. На переднем фасаде и на портале главного здания мечети кое-где уцелели остатки облицовки майоличными плитками.

Здание в довольно плохом состоянии. Передний портал, грозивший падением, в настоящее время разобран.

Кроме того, целый ряд памятников был возведен

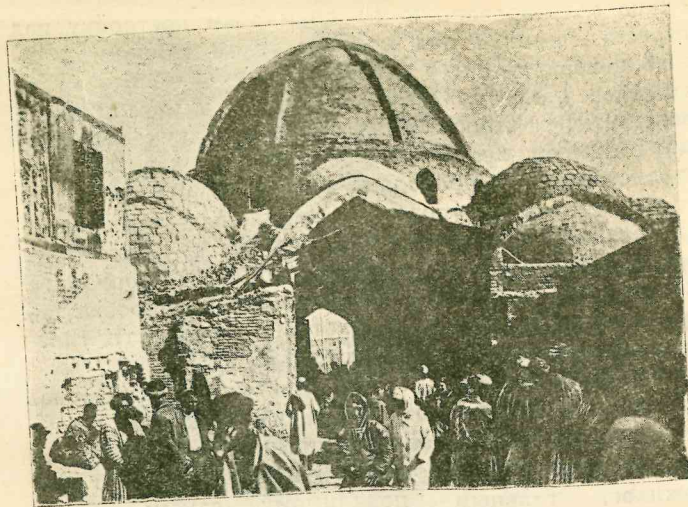
¹ И. К. Мрочковский. Живопись мазара Ак-сарая в Самарканде. Сборник Московской секции. ГАНМК, М., 1928.

вне Бухары: две большие мечети в Чорбакре, мечеть Хакими Мулла Мир, медресе в Вабкенте, Карши и др., не считая мостов, сардоба и караван-сараев.

Как уже отмечалось, в XVI в. возводились не только религиозные культовые здания. Именно в эту эпоху Бухара обзавелась купольными постройками на перекрестках базарных улиц — чарсу и специальными крытыми зданиями для отдельных видов торговли.

В настоящее время уцелели три таких чарсу: Токи Саррафон («купол менял»), Токи Тильпак-фурушон («купол продавцов головных уборов») и Токи Заргарон («купол ювелиров»), но не так давно существовали еще два: Токи Орд-фурушон («купол продавцов муки») и Токи Тиргарон («купол изготавливающих стрелы»), оба на южной стороне Регистана.

Купола эти представляют значительный интерес с архитектурной точки зрения, главным образом по разнообразию примененных здесь купольных перекрытий. Самый маленький из них — Токи Саррафон («первый купол», как его обычно называют теперь в Бухаре) перекрыт тем своеобразным сводом, который, повидимому появился впервые еще в тимуридские времена, а зачатки его восходят, быть может, к подпружным аркам, возводившимся из сырцового кирпича в доисламскую эпоху, «нервюрным» сводом на четырех перекрещивающихся подпружных арках, служащих как бы каркасом для всего перекрытия и разбивающих его на несколько отдельных самостоятельно перекрываемых элементов. Этот тип свода получил в XVI в. большое распространение и широко применялся также в последующие времена. Насколько нам известно, нигде в других местах он не получил такого развития и такой конструктивной четкости, как в памятниках Бухары и ее окрестностей (Намазгох, мечеть Абдулла-хана в Чорбакр Хонако Абдулазиза в Бахауддине XVI в., гробница Даниял Аталыка XVIII в. и др.).

Токи Заргарон

Второй купол — Токи Тильпак-фурушон — значительно больше. Главная его часть представляет собой шестигранник, что встречается довольно редко, перекрытый куполом, поднятым на барабан с окнами в нем. Шестиугольный план вызван здесь, видимо, расположением улиц, сходящихся на этом перекрестке. Вокруг главного купола возведен ряд различной формы сводов и куполов — торговые пассажи. Часть из них в настоящее время закрыта устроенными здесь чайханами, столовыми и т. д. Этот купол снаружи сохранил следы облицовки изразцами, внутри — следы росписи, покрытой теперь пылью и копотью настолько, что самый характер этой росписи без предварительной осторожной и кропотливой расчистки установить очень трудно.

Третий купол — Токи Заргарон представляет собой, в отличие от купола Тильпак-фурушон, симмет-

рично спланированную по двум осям постройку над пересекающимися под прямым углом улицами в самом центре древнего Шахристана. Главный купол возведен здесь на восьмиугольном основании. Со всех четырех сторон этого главного купола отходят галереи, крытые двумя куполами каждая. Пространство между проходами заполнено сложной системой сводов и куполов на кирпичных устоях, придающих в целом плану постройки форму квадрата, ориентированного по четырем сторонам горизонта. В настоящее время эта правильность планировки нарушена, здание утратило некоторые свои части, главным образом, в юго-западном углу.

Не сохранилось, к сожалению, никаких материалов, — ни планов, ни фотографий для суждения о том, что представляли собой разрушенные теперь купола Орд-фурушон и Тиргарон. По рассказам местных старожилов, главным повидимому, самым большим куполом из всех пяти считался последний.

Кроме этих куполов, расположенных на главной торговой магистрали Бухары, между куполами Заргарон и Тильпак-фурушон, по восточной стороне соединяющей их улицы, расположено еще одно капитальное торгового назначения сооружение — *Тим Абдуллахана*. В плане оно представляет собой неправильный квадрат. В центре на поставленных кругом кирпичных устоях, выведен купол на низком барабане, прорезанном окнами. Вокруг этого купола идет круговая галлерея, покрытая целым рядом куполов. В углах — добавочные световые фонарики. Множество устоев, сводов, и куполов создает совершенно своеобразное впечатление. Освещение недостаточно, большая часть помещения погружена в полумрак, что может быть, впрочем, и было желательно в условиях слишком жаркого и светлого бухарского летнего дня.

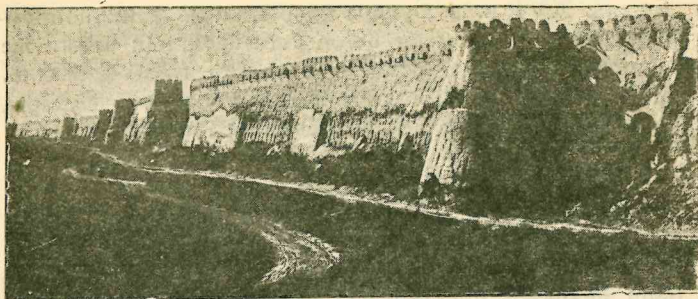
Поэт этого времени Мушфаки составил четверостишие с датой постройки базарных куполов — 995 г. х. (1586—1587).

Кроме перечисленных памятников, от второй половины XVI в. в Бухаре сохранилась функционирующая до сего времени баня *Саррафон* и к этому же времени, вероятно, относятся ворота *Шейх-джаляль*, единственные старые домангытские ворота Бухары, сохранившие остатки изразцовой облицовки.

Баня играла весьма большую роль в быту жителя Бухары. Она не была только местом мытья, но местом кейфа, местом, где можно приятно провести время. Баня Саррафон построена к югу от базарного купола того же названия. Первой частью бани является просторная раздевальная, где посетители раздевались, оставляли свою одежду и здесь же проводили после бани отдых с чашкой чая. Дальше, углубляясь несколькими ступенями вниз, идут два сводчатых помещения из жженого кирпича: «пой-шуи-сони» и «пой-шуи-авваль» — место для мытья ног. Следующее помещение — самое обширное — «мион-сарай», посередине которого возвышается каменная суфа для сиденья. На юг от мион-сарая находится гарм-хона (горячая комната), рядом с ней слева — хунук-хона (холодная комната), на западной стороне — мечеть и на северной — ходим-хона (помещение массажистов). Стены, своды и купола построены из жженого кирпича на алебастровом растворе. Стены очень толсты для сохранения в бане тепла. Сама баня с той же целью углублена в землю.

Позади гарм-хона и хунук-хона устроены особые, довольно обширные сводчатые помещения — резервуары для воды. Воду у этих резервуаров зачерпывали тазиками для мытья через небольшие окошки. Теперь эти окошки закрыты решетками и воду из резервуаров берут с помощью кранов.

Крайне интересна в этих банях система отопления * снизу, с пола, весьма сходная с отоплением знаменитых римских терм, системой определявшейся терми-

Часть городской стены

ном *hypoikauston*. Непосредственно под бассейном перед гарм-хона помещается топка печи, нагревающей воду. Сложной системой разветвляющихся ходов дым и теплый воздух проходят под тонким полом бани, сделанным из плоских и широких мраморных плит.

К тому же XVI столетию относится постройка городской стены Бухары. Стена многократно ремонтировалась, но в основном, надо полагать, сохранила свой древний характер. Поддержание стены ложилось тяжелым бременем на окрестное население, среди которого была разверстана «городовая повинность» по старорусской терминологии. Стена, выполнявшая некогда функции военнооборонительные, за последнее время существования ханства имела лишь исключительно полицейское значение для охраны города¹. Стена глинобитная, имеет около 10 км длины, 10 м в среднем вышины при 5 и больше метров толщины на высоте человеческого роста. По верху стены идет боевая ступенька,

¹ Около девяти часов вечера все городские ворота запирались и доступ из города и в город прекращался до утра. В это время запрещалось также без особой надобности ходить по улицам города.

парапет снабжен круглыми бойницами и зубцами. На некотором расстоянии один от другого устроены полукруглые массивные выступы наружу — бурджи. В стене имеется одиннадцать ворот. Каждый ворота состоят из двух полукруглых цилиндрических башен, между которыми устроен проход, закрываемый тяжелыми деревянными двухстворчатыми полотнищами. С внутренней стороны к воротам пристроен навес, по бокам его — помещение для стражи. Все ворота, сохранившиеся до сего времени, за исключением упомянутых ворот Шейх-джалая, недавней постройки, не старше XVIII — XIX в.

VII

Архитектурное наследие следующего века также представлено значительным количеством образов. Это время — Аштарханидов в основном отличается следующим: экономическая депрессия, происшедшая вследствие указанных уже причин, непрерывно углубляется. Вместе с тем, с упадком торговли и ремесленной промышленности все больше и больше усугубляется кризис в политической жизни государства. Государство Аштарханидов политически значительно слабее государства Шейбанидов. Бухарские ханы окончательно потеряли свои владения по ту сторону Аму-дарьи. В самом начале XVIII столетия отделяется Фергана, где основывается новое Кокандское ханство. Границы государства суживаются. Центральная ханская власть постепенно теряет свой авторитет, все большее и большее значение приобретают вожди узбекских племен, которые, наконец, усиливаются до того, что один из представителей родовой узбекской аристократии мангыт Мухаммед Раким-хана убивает аштарханидского хана Абул-Файза (в 1747 г.) и основывает свою династию, просуществовавшую до 1920 г., когда она была уничтожена революцией. Основная трудовая масса, на плечи кото-

рой ложится все большая тяжесть поддержания ханского двора, не желавшего расстаться с прежней пышной обстановкой содержания феодально-бюрократического государственного аппарата, феодальной родовой знати узбекских племен, многочисленного и богатого духовенства, в руках которого находилась значительная часть земельных владений в виде вакфов, все больше и больше нищает, попадает в крепкую кабалу ростовщического капитала, теряет свои земельные участки, превращаясь в чайрикеров, работающих на чужой земле за долю урожая. Этим обстоятельством — недовольством масс объясняются смуты, крестьянские восстания, происходившие почти непрерывно в стране.

Бухара оставалась столицей уменьшавшегося и слабевшего, но все еще достаточно крупного государства. За счет всей остальной страны путем жестокой феодальной эксплуатации правители собирали огромные средства для того, чтобы украшать свою резиденцию, возводить новые мечети, медресе, караван-сарай и т. д. Вначале эти постройки были весьма значительны по размерам, а некоторые из них богаты по своему декоративному оформлению; позднее — вместе с упадком в экономической и политической жизни они мельчают. Но все же каждый феодал из среды родовой аристократии, каждый крупный государственный чиновник старается построить свое медресе, свою мечеть. При ухудшении качества строительства увеличивается количество. По произведенному мною подсчету (приблизительному, так как точные даты многих построек установить не удалось), в одном только XIX в. в Бухаре было построено больше 60 медресе, в этом же веке построена или перестроена большая часть гузарных мечетей. Но это ухудшение качества, упадок архитектурного творчества, связанный, конечно, и с утратой мастерства, и творческих навыков строителей, не происходит внезапно. XVII в.

дает нам еще целый ряд первоклассных архитектурных произведений.

На рубеже шестнадцатого и семнадцатого веков стоит начатое еще в XVI в. медресе *Каль-абад* законченное в 1008 г. х. (1599—1600). Это довольно значительное здание своеобразно, но несколько жестковато по трактовке основных форм, с некоторыми остатками изразцовых украшений. Медресе испорчено позднейшими переделками.

В первой четверти XVII в. возведен на средства одного из крупных феодалов — ханского визиря *Надира Диванбеги* целый архитектурный ансамбль: хонако, хауз и медресе, поставленные по одной главной оси, ориентированной с запада на восток и задуманный как единое целое. *Надир Диванбеги* строил не только в Бухаре. Им же построено медресе *Ходжа Ахрар* и *Намазгох* в Самарканде¹.

Первая из этих построек — хонако *Диван-беги* «мечеть *Ляби-хауз*» — закончена в 1029 г. (1619 — 1620 г. н. э.). Главная часть хонако, квадратная в плане, с нишами по всем четырем сторонам, перекрыта широким куполом. На северном и южном боковых фасадах в двух этажах построены кельи. Кроме главного входа с восточной стороны, в главное помещение ведут два боковых входа с юга и севера. Над главным входом возвышается высокий, стройный портал, на котором уцелели остатки коранической изразцовой мозаичной надписи с белыми буквами по синему фону и отдельные небольшие куски изразцового заполнения темпанов большой арки. Передний фасад замыкается круглыми фланкирующими башнями.

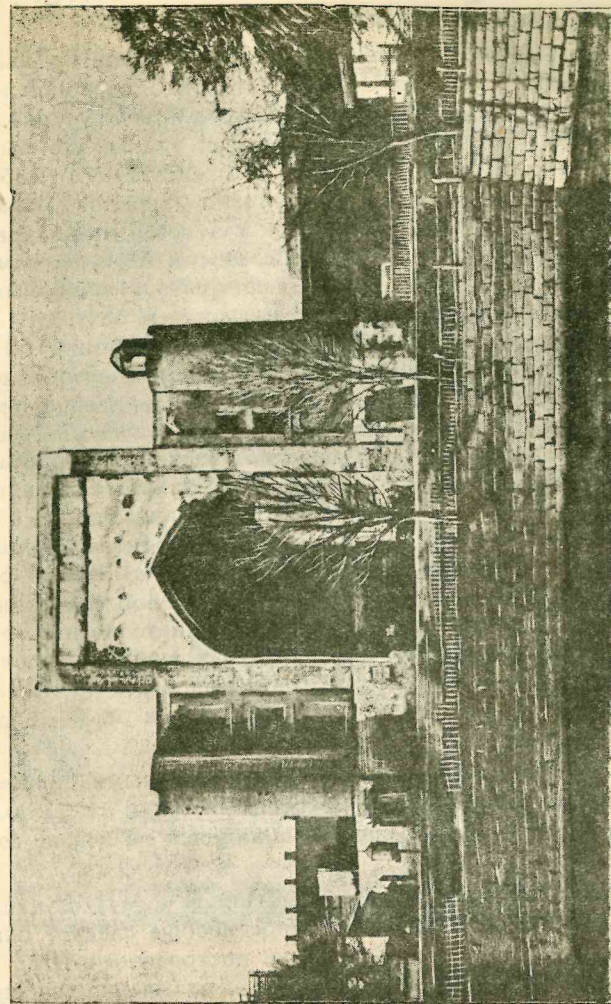
Северный и южный боковые фасады отремонтированы в недавнее время и утратили свой древний вид. Также совершенно обновлена декорация стен и сводов в главном помещении мечети. Живопись в нише

¹ В. Л. Вяткин, Памятники древностей Самарканда, Самарканд, 1929, стр. 25—26 и 28.

михраба и на противоположной стороне над главным входом сделана масляными красками, техникой, совершенно чуждой старым мастерам. К востоку от хонака расположен хауз, самый большой в Бухаре, выложенный ступенями из желтоватого известкового камня. Дата постройки хауза также 1620 г.¹ Хауз подвергался неоднократным ремонтам. Последний раз его каменная облицовка возобновлена лет 30—40 тому назад.

Медресе Диван-беги, оконченное в 1032 г. (1622—1623) значительно отличается от обычного типа медресе целым рядом особенностей: прямой, неразветвляющийся вход во двор, отсутствие больших арок—айванов во дворе, отсутствие, наконец помещений для молитвы (мечеть) и преподавания (аудитория — «дарс-хона»). Это объясняется тем, что здание предназначалось не для медресе, а было задумано как большой караван-сарай и лишь позднее, после его постройки, оно было использовано как медресе. Благодаря тому обстоятельству, что при возведении здания пришлось застраивать ограниченный большими улицами участок неправильной конфигурации, совершенно своеобразно решен план постройки с правильным, как всегда, квадратным двором посреди не окруженным худжрами разной величины. Передний фасад здания симметричный, с хорошими старыми традиционными пропорциями портала и двухъярусной аркады в крыльях, мало связан архитектурно с остальными частями здания.

На переднем фасаде здания, а также в некоторых тимпанах арок во дворе сохранились остатки изразцовой резной мозаики, где встречается, между прочим, стилизованный животный орнамент: изображение

Хонако Диван-беги

¹ З. Л. Амитин-Шапиро. Предание о постройке первой синагоги в Бухаре. Сборник научн. кружка Восточного фак. САГУ, Ташкент, 1928, стр 3—8. Сообщает предание о постройке хонака и хауза.

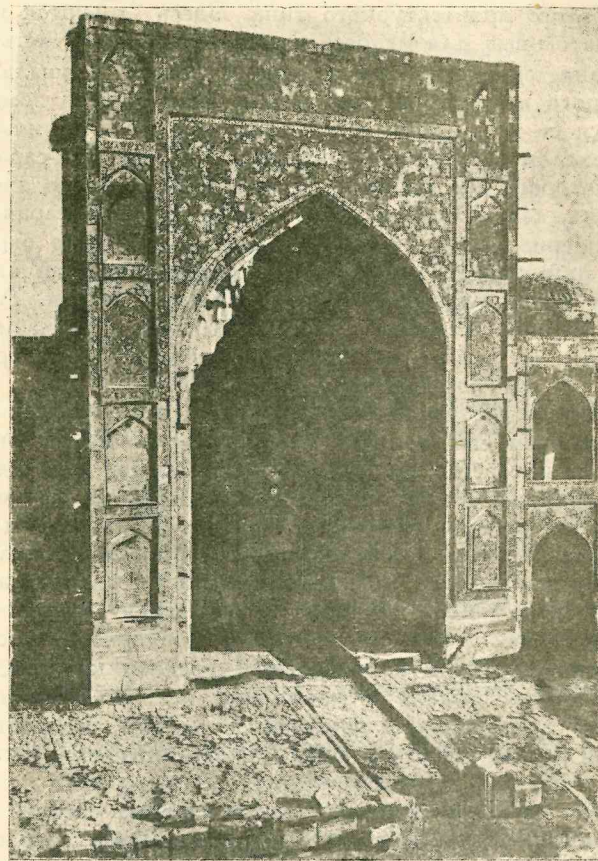
ланей и летящих аистов, что является вообще редким примером в среднеазиатском зодчестве.

Несколько раньше архитектурной группы Диван-беги было построено здание второй соборной мечети на Регистане под стенами Арка—мечеть *Пояндабий Аталыка*, теперь разрушенная, здание это было закончено в 1026 г. (1617) и представляло собой прямоугольный двор, окруженный с южной, западной и северной сторон тройной галлереей на квадратных кирпичных устоях, с купольными перекрытиями. Главная часть мечети была перекрыта «нервюрным» куполом с небольшим световым фонарем наверху.

На двадцать лет позднее—в 1046 г. (1636—1637) было возведено также верхнее строение своеобразной двухэтажной мечети *Магоки-курпа*. Есть предположения, подтверждаемые существующим в Бухаре устным преданием, что эта мечеть, так же как и описанная выше мечеть Магоки-аттари, является древним сооружением, только лишь восстановленным в XVII в. Нижний этаж мечети находится только частью над поверхностью земли, являясь, таким образом, «подземной мечетью» (самое слово магок значит «яма, углубление»). Так как археологического обследования этой мечети до сего времени не производилось, окончательное решение вопроса о происхождении мечети и ее давности приходится оставить открытым.

Здания мечети отличаются интересными архитектурно-конструктивными особенностями и деталями. Никаких следов изразцовой облицовки на ней не сохранилось.

Наиболее интересным памятником XVII в. и одним из интереснейших в Бухаре вообще следует признать медресе *Абдулазиз-хана*, построенное в 1062 г. х. (1651—1652). Это медресе, называющееся еще иначе медресе Заргарон, построено напротив медресе

Медресе Абдулазиз-хана

ресе Улугбека к востоку от базара ювелиров, по которому оно и получило свое название¹.

В плане здание дает классический пример развития этого архитектурного типа. Здесь имеются все обязательные для медресе части: порталная часть в середине симметричного переднего фасада, в крыльях которого имеются по три малых арки. Фасад замыкается по углам круглыми фланкирующими башнями. За входом в медресе — передний зал — мион-сарай, из которого два прохода — коридора ведут во двор здания, квадратный в плане. Справа от мион-сарая — помещение мечети, слева — «дарс-хона». Двор окружен двухэтажной аркадой. По середине каждой стороны двора возвышается высокая арка — айван. Арка северной стороны двора в медресе Абдулазиза разбита на два этажа; южная углублена и расширена — в ней помещается летняя мечеть.

Интересное законченностью и симметричным расположением своего плана медресе, быть может, еще больше интересно декоративной обработкой стен здания снаружи и внутри. Здесь использованы, без малого, все приемы декорации, которые характерны для среднеазиатского зодчества послетимуровского стиля: резная изразцовая мозаика, мозаика из глазурованных и неполивных кирпичиков, расписная майолика, алебастровая лепка сталактитов в полукуполах арок, рельефная резьба по алебастру, роспись «по кундалю» и без кундала и мраморные панели. Особенно богато декорированы помещения мечети дарс-хона, малой летней мечети и библиотеки «китоб-хона», помещенной над входом в медресе. Во всех этих помещениях сделаны сложные декоративные своды из алебастра. Стены и своды, разнообразная алебастровая лепка в нишах, все покрыто росписью, в кото-

рой преобладает уже описанный прием росписи «по кундалю». Впрочем, здесь есть примеры и простой росписи красками — цветы, деревья, целые пейзажи с какими-то зданиями и т. д. Не меньшее, пожалуй, разнообразие мы наблюдаем здесь и в отношении использованных орнаментальных мотивов: запутанные арабески геометрического орнамента, растительный мелкий орнамент, вазы с цветами, надписи, vyplненные разными стилями, наконец — животный орнамент в виде каких-то фантастических птиц в тимпанах декоративных арок на устоях портала. Декоративные украшения отличаются по сравнению с тем, что мы встречали раньше, большим натурализмом. Есть попытки натуралистического изображения пейзажа. Майоличные вазы с цветами даны рельефной лепкой.

По всему видно, что это здание, быть может, не случайно поставленное напротив древнейшего и известнейшего в Бухаре медресе, должно было по мысли строителя затмить все, что было создано раньше и что постройке этого здания уделялось очень большое внимание. Но, тем не менее, используя все, что можно было так или иначе позаимствовать у старых мастеров, строители середины XVII в. не были в состоянии органически соединить все декоративное богатство в единое гармоничное целое. Здание отличается эклектичностью и хотя отдельные части его достигают большой художественной выразительности, в целом оно далеко отстает от классических образцов старой среднеазиатской архитектуры.

Пропорции здания неуверенны. Передний портал приземист и не отличается стройностью стоящего напротив медресе Улугбека. Вместо строгого повторения уменьшающейся формы арки, как там, здесь мы видим раздробленность этой формы, усугубляющуюся еще больше сталактитовым заполнением полукупола. Двор медресе не имеет тех четких пропор-

¹ Описание этого медресе см. Б. М. Никифоров. Медресе Абдулазиз-хана в городе Старой Бухаре. Сбор. „Искусство Средней Азии“, М., 1930, стр. 15—27.

ций, которые отличают медресе Улугбека. Все здание несколько перегружено декоративными деталями и эта декорация не всегда соответствует конструктивным формам, иногда закрывает и замаскирует их, почему теряется та конструктивная ясность, которая отличает всегда лучшие памятники зодчества.

Здесь не мешает попутно отметить, что техническая часть выполнения этого здания стоит довольно высоко как в кладке стен и сводов, так и в декоративных частях. Несмотря на то, что алебастровая лепка с большими пустотами между конструктивной и декоративной частями не может быть очень прочной, алебастровые ложные своды хонако и мечети до сего времени хорошо держатся. Изразцовая мозаика, забытая в XVI в., когда она была вытеснена почти исключительно употреблявшейся расписной майоликой, вновь возрождается в XVII в. и в некоторых случаях, в частности, в медресе Абдулазиз-хана, достигает высокого качества. Майоличные украшения этого медресе значительно хуже: они тусклы с преобладанием желтых и зеленых тонов, слабее нарисованы.

Медресе Абдулазиза не было закончено. Об этом свидетельствуют лишенные облицовки левое крыло переднего фасада и вся западная сторона двора, а также торчащие по сторонам портала деревянные балки, которые должны были быть спилены по окончании облицовочных работ.

Во время этого же Абдулазиз-хана в Бухаре построены еще четыре медресе: Миракон (в 1654—1655 г.), Хиябон (в 1654—1655 г.), Бозори-гусфонд (в 1669—1670 г.) и Джуй-бори-калян (в 1670—1671 г.).

Медресе Миракон, находящееся в западной части города, неподалеку от ворот Шейх-джалаль, теперь почти разрушено; от него уцелела лишь сильно пострадавшая хонако, занимавшая западную сторону двора, против входа в медресе. Само медресе было

одноэтажным, вход был отмечен небольшим порталом. На медресе не было изразцовой облицовки и оно вообще очень сильно отстает от стандартного типа. Самая интересная часть медресе—хонако, представляющая собой довольно значительное, удлиненное с севера на юг помещение. Двумя арками хонако делится на три части: северная и южная перекрыты куполами довольно обыкновенной конструкции. Средняя часть больше боковых и имеет очень интересное перекрытие. Здесь мы встречаем новый вариант той системы купольного перекрытия, которое упомянуто выше под названием «нервюрного». Особенностью купола хонако Миракон является то, что кроме обычных четырех пересекающихся под прямым углом подпружных арок, имеются еще добавочные отрезки арок, создающие снаружи впечатление еще двух пар добавочных таких же подпружных арок. В центре этого купола на низеньком барабане, прорезанном стрельчатыми окнами, довольно широкий, как обычно, сложенный кольцами, купольный свод.

Медресе Хиябон окончено постройкой, по имеющимся сведениям, в том же году, когда и медресе Миракон. Это крупная постройка с двухэтажным рядом худжр. Отличительной особенностью ее является массивный портал с некоторым подобием фланкирующих башен и открытая аркада верхнего этажа на северной стороне, сходная с такими же аркадами медресе Кукельдаш. Медресе Хиябон находится в состоянии очень плохой сохранности. На северной стороне за последнее время произошло несколько обвалов, много разрушений заметно внутри здания, во дворе.

Медресе Бозори-гусфанд построено на северной стороне Регистана, против возвышающейся там теперь водопроводной башни. Медресе полуразрушено. Несколько лет тому назад (в 1926 г.) была начата его разборка. В настоящее время сохранился в целом

виде только передний фасад с высоким порталом, украшенным облицовкой. Медресе это построено Абдулазиз-ханом, но значительно скромнее по своей отделке, чем медресе Заргарон.

Медресе Джуйбори-калян, небольшое по размерам, находится на берегу Хаузи-нау по дороге к Каракульским воротам. Оно одноэтажно. Отличается несимметричным планом: портал, находящийся на южной стороне, сдвинут по отношению к внутреннему двору, к юго-западному углу. Небольшой портал медресе облицован изразцовой мозаикой. Напротив медресе Джуйбори-калян, на другой стороне хауза, через дорогу, построена мечеть, называемая Волида-и Абдулазиз-хан («Мечеть матери Абдулазиз-хана»). Это довольно сложная по плану постройка, с двумя дворами внутри. Мечеть, неоднократно подновлявшаяся и в значительной мере утратившая свой старый вид, сохранила снаружи некоторые остатки изразцовых украшений.

От XVII в. сохранилось еще хонако Мухаммед-яр Аталыка, построенное сановником Абдулазиз-хана в 1669 г. Находится оно в местности Бозори-нау, по большой улице, ведущий от купола Тильпак-фурушон на Регистан. Это довольно значительная постройка, квадратная в плане. Главное помещение хонако закрыто большим куполом. С северной, западной и южной сторон к основной части хонако был пристроен одноэтажный ряд худжр. В настоящее время южная часть этой постройки обвалилась и разобрана. Передний портал, над входом с западной стороны, украшен мозаичной надписью (стих из Корана и дата постройки). Довольно интересна резная деревянная дверь с надписью.

В конце XVII в., 1093 (1682 г.) на Регистане под стеною Арка построено небольшое здание типа медресе, одноэтажное с небольшим восьмиугольным двором посередине, называвшееся *Дору-и-шифо* —

«больница». По вакуфному документу, это здание предназначалось специально для обучения в нем молодых людей медицинским наукам (конечно, вместе с религиозными науками; преподавание чего-либо без богословской науки вообще было немислимо). Здесь же оказалось «амбулаторная» помощь больным, была библиотека из книг медицинского содержания и аптека¹. В настоящее время это медресе разобрано.

К тому же столетию относится построенное также на Регистане медресе *Шадым-бия*, находившееся в том месте, где теперь сохранилась только его незначительная часть в виде небольшой купольной постройки с обращенным на восток порталом и небольшим куполом на высоком барабане. Портал сохранил незначительные остатки изразцовой облицовки. Здание представляло собою, повидимому, мавзолей, но так как не сохранилось ни плана медресе, ни фотографий его до разборки, трудно сказать, в каком отношении ко всему остальному зданию находилась сохранившаяся часть.

VIII

В позднейшие столетия зданий, главным образом, культовых, строилось очень много, но в большинстве своем они незначительны по величине и очень мало выразительны в архитектурном отношении. Обычно — это типичная гузарная мечеть, квадратная в плане с купольным или чаще балочным перекрытием, к которой пристроены с двух или реже трех сторон открытые навесы — «айваны», медресе — небольшой квадратный двор, окруженный одним или двумя этажами худжр со стрельчатыми аркадами. Планы этих медресе обычно отступают от старого стандарта в силу их незначительной величины. Строились караван-сарай, общественные бани, мактабы, хаузы. Но все это носит печать бедности и посредственности.

Из всей массы построек позднейших времен сле-

¹ М. Ю. Саиджанов, цит. ст. № 9—10, 55.

дует лишь отметить немногие: мечеть Боло-хауз на Регистане, хонако Шейх-Джалаль, медресе, мечеть и сардоба и Халиф-Худойдоэ, медресе Рахманкул, медресе Ирназар-ильчи, медресе Домулло Турсунджон и медресе Халифа Нияз-кул.

Мечеть Боло-хауз находится на западной стороне Регистана против ворот Арка. Построена она была в 1124 (1712) г., при последнем фактическом правителе из династии аштарханидов Абул-Файз-хане. Это довольно значительное здание с купольным перекрытием. С северной и южной сторон к этой мечети примыкали два небольших дворика, окруженных одноэтажным рядом худжр. Здесь помещалось медресе того же имени. В настоящее время южная часть этой постройки не существует. Портал мечети был украшен надписью из расписных майоликовых плит, частично сохранившихся. Весь передний фасад мечети, с двухъярусной аркадой и открытой галлереей на очень высоких деревянных столбах с пестрым расписным потолком, возведен в самое недавнее время, незадолго до падения власти эмира и изгнания его из Бухары (окончено в 1917 г.). Мечеть Боло-хауз выполняла также назначение пятничной мечети и была одной из мечетей посещавшихся эмиром.

Хонако Шейх-Джалаль построено в 1167 (1753—1754) г. у могилы этого шейха, недалеко от ворот того же имени. Это тоже довольно крупная постройка, своеобразная по своему несимметричному плану и несколько хаотическому нагромождению отдельных частей.

Мечеть Халифа Худойдод, построенная в 1191 (1777) г., расположена в западной части города между воротами Каракуль и Ширгарон. Мечеть довольно обычна: квадратная в плане, перекрытая куполом. Окружена с трех сторон (южной, восточной и северной) открытым навесом на деревянных столбах. В этой мечети представляют интерес резные столбы-колонны, с грубоватым, но довольно вырази-

тельным, глубоко вырезанным растительным орнаментом и алебастровая лепка на внешних стенах мечети.

Мечеть находится в юго-западном углу двора, который окружен с южной, восточной и северной сторон одноэтажной аркой с худжрами помещавшегося здесь медресе. На этой постройке уцелели кое-где куски изразцовой облицовки (расписная майолика) чистых тонов, несколько напоминающей облицовочные плиты времен Абдулла-хана. На этом же дворе, к северу от мечети, построена сардоба — весьма любопытное сооружение, представляющее собою глубокую и широкую круглую яму, заполняемую грунтовой водой. Края ямы обложены блоками тесанного известкового камня. Над этой ямой возведен значительных размеров купол, возвышающийся примерно на половину своей высоты над землей с широким отверстием наверху. Над этим отверстием устроен деревянный световой фонарь с балочной крышей. С восточной и западной сторон к яме ведут две лестницы, над которыми построены небольшие порталчики. Портал восточной лестницы украшен майоличной надписью, содержащей, между прочим, дату восстановления сардоба: 1854—1855 г., сардоба, построенная, вероятно в конце XVIII в., разрушилась и потребовала капитального ремонта.

Приблизительно в середине северной стороны двора устроена целая система переходов к небольшому кладбищу центральное место на котором занимала могила Халифа-и-Худойдод. К западу от этой могилы построен айван, состоящий из обычного балочного навеса на деревянных столбиках. Есть также майоличная облицовка.

В целом весь этот комплекс: мечеть, медресе, сардоба и мазар представляет значительный интерес с точки зрения, главным образом, исторически-бытовой.

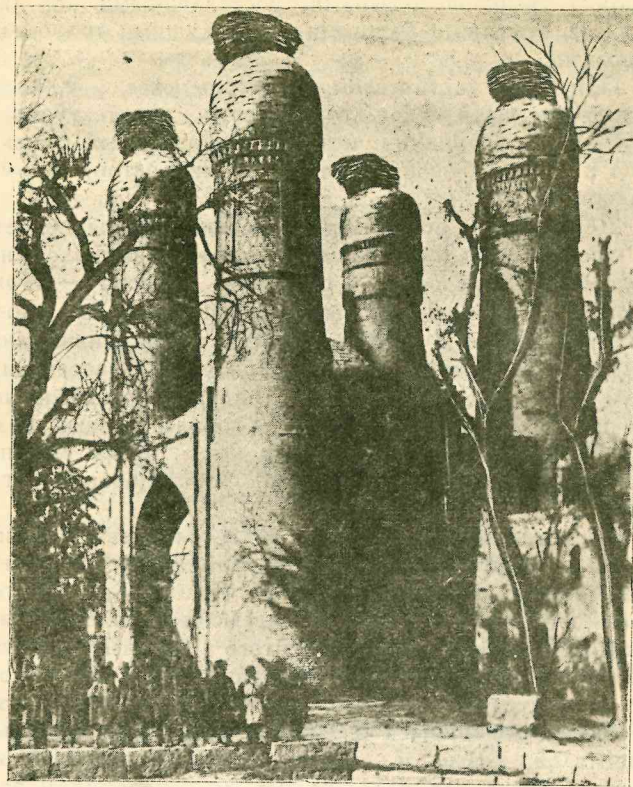
Медресе Рахман-кула, построенное в 1209 (1794—1795) г. находится к юго-востоку от большой сборной мечети на большой улице, соединяющей Регистан с куполом Тильпак-фурушон. Это небольшое медресе, одноэтажное. Портал его украшен майоличными плитками довольно хорошей работы и панелью их резных мраморных плит. Внутри медресе также есть остатки майоличной облицовки. Теперь в этом медресе помещается музыкальный техникум.

Медресе Домулло Ир-назар Ильчи построено в 1209 (1794—1795 г.) расположено против хонако Диван-беги, рядом с медресе Кукельдаш. Строитель медресе Ир-назар был послом бухарского эмира у Екатерины II и, согласно преданию, медресе построено на средства, данные Екатериной¹. Медресе для своего времени довольно значительно по размерам, с высоким порталом, лишенным каких бы то ни было декоративных украшений.

В конце XVIII в., в 1211 (1796—1797) г. построено крупное медресе Домулло Турсун-джон, против хонако Мухаммад-яр Аталыка, по дороге от купола Тильпак-фурушон на Регистан. Медресе двухэтажное. Передний портал украшен выложенными изразцами полуколонками по краям.

Интересным явлением в поздней архитектуре Средней Азии является следующий по времени архитектурный памятник Бухары — медресе Халифа — Ниязкул, более известное под именем «Чор-минор». Медресе построено в 1222 (1807 г.) и представляет собой обширный двор, окруженный одноэтажным рядом хуждр. Юго-западный угол двора занят каркас-

¹ П. Яковлев. Мулла Ир-назар Максютлов, посланник Бухарский. „Сибирский вестник“, 1824, ч. 1 стр. 7—10. Подтверждает существующее предание: Ир-назар был в России два раза — в 1774 и 1779 гг., получил от Екатерины II 4000 руб. серебром. Умер в Конии, на пути из Константинополя в Мекку.

Чор-минор

ной обычного вида мечетью. Интересно в этом медресе оформление входа, находящегося на северной стороне. Над входом, вместо обычного портала с высокой аркой, возведена небольшая двухэтажная купольная постройка. Нижняя ее часть — проход во двор, верхняя — «киتاب-хона» — библиотека. Эта по-

стройка увенчана четырьмя, поставленными над углами ее, круглыми башнями с небольшими голубыми куполами.

При всем техническом несовершенстве и, если можно так выразиться, упадочности архитектурного построения, группа из четырех поставленных близко одна к другой башен (конечно, не минаретов) весьма живописна.

Древнейшей, повидимому, частью Бухары является высокий насыпной холм, на котором расположена внутренняя крепость — цитадель города — Арк. Этот холм, вероятно не был насыпан сразу. Он нарастал постепенно в течение многих веков жизни людей на этом месте. Еще до арабского завоевания холм этот, как уже сказано, являлся укрепленным замком бухар-худдата правителя города. Точный возраст Арка нам неизвестен, так как никем еще не производилось археологического обследования его толщи.

Несмотря на то, что Арк является древней резиденцией правителей Бухары, внутри его не сохранилось древних построек. То, что уцелело до нашего времени, относится также ко времени правления династии Мангытов. Причиной этого явились частые войны, сопровождавшиеся разрушениями, при которых Арк страдал, конечно, больше чем другие части города. Помещавшиеся в Арке в свое время дворцы правителей, храмы и мечети, казнохранилища и тюрьмы много раз разрушались до основания и затем, когда наступал период успокоения, возводились вновь. Самой старой из построек Арка, дошедших до нас, является «куриниш-хона» — зал аудиенций и торжественных приемов, представляющий собою открытый, вымощенный камнем двор, окруженный с трех сторон крытой галлереей на деревянных столбах (южная часть этой галлерей в настоящее время разрушена). В восточной части этой галлерей, прямо против входа, возвышается искусной работы камен-

ный трон, осененный балдахином на четырех каменных резных столбах. Этот тронный зал построен около середины восемнадцатого столетия родоначальником последней ханской династии Мангытом Мухаммад-Рахим-ханом.

Каменные колонны и основание трона покрыты затейливой резьбой, заполняющей их поверхность сплошным переплетом растительного орнамента и надписей. Работа эта выполнена нуратинскими мастерами специалистами по обработке происходящего также из Нур-ата серого мрамора. Впечатление грубого диссонанса с прекрасной каменной резьбой производит грубо сделанный и не менее грубо раскрашенный деревянный балдахин над троном. На противоположном конце двора, прямо против описанного трона, возвышается монументальный портал, украшенный мозаикой, относящейся по технике и стилю к семнадцатому веку. В «куриниш-хона» еженедельно по пятницам производились торжественные приемы эмиром своих сановников — «саламлик».

От находившегося в Арке дворца эмира, так же как его библиотеки, служб и различных других сооружений, разрушенных в 1920 г. частью артиллерийским огнем, частью вспыхнувшим во время обстрела города пожаром, не сохранилось ничего, кроме холмов из строительного мусора. Уцелели только отчасти помещения, занимавшиеся первым министром ханства кушбеги.

Сохранились еще в Арке две старые мечети и гробница, именуемая Чиль-духтарон («сорок дев»). Склоны холма Арка частично облицованы жженым кирпичем (облицовка западной стороны возобновлена при Бухарской народной республике) и обнесены по верху обрушившейся в некоторых местах невысокой стеной. Монументальные ворота — въезд на верх холма. украшены двумя круглыми башнями и открытой галлереей наверху. На галлерее некогда стояли боль-

шие бешенные часы сделанные в первой половине XIX века пленным итальянцем Орланди.

Из-под ворот узкий наклонный коридор ведет вверх на холм. По бокам коридора устроены неглубокие ниши, в которых сидела дворцовая стража, с левой стороны—несколько небольших темных комнат об-хона, которые служили местом заключения личных и политических врагов эмира.

К числу мангытских же памятников зодчества относится также *зиндан*—тюрьма. Зиндан помещается на северо-западном углу возвышенности древнего шахристана. Высоко поднятое над крутым обрывом, облицованное жженым кирпичем, оно окружено невысокой кирпичной стеной, перелезть через которую не составляет особого труда без всяких вспомогательных приспособлений, тем более, что с восточной стороны к зиндану примыкают жилые частные дома и между ними остается лишь узкий проход, не более одного метра шириной.

Вход в зиндан отмечен небольшим порталом с двухстворчатой деревянной дверью, за которой имеется небольшое помещение. Двор, образуемый упомянутой стеной, заполнен низенькими кирпичными постройками, возведенными в разное время. Это—камеры. Всего отдельных камер—четыре. Первая, направо от входа, служила долговой тюрьмой, где неисправные должники содержались за счет своих кредиторов до тех пор, пока первые не выплачивали свой долг, или последним не надоедало за них платить. Эта камера не имела железных прутьев на дверях, затруднявших вход и выход, как это сделано в соседних камерах.

Рядом с долговой камерой расположено самое обширное помещение, состоящее из двух квадратных, перекрытых куполами, помещений, соединенных между собою широкой аркой. В замках куполов сделаны отверстия около метра диаметром. Эти отверстия забраны железными решетками и служили

Ворота зиндана

единственным источником света. В одном из углов небольшая дверь выводит в крохотное темное помещение, служившее для отправления естественных потребностей. Входная дверь камеры перерожена несколькими горизонтальными железными прутьями и войти в нее можно только низко согнувшись.

Третья камера совершенно сходна с описанной выше, но меньше ее размером, квадратная, перекрыта одним куполом с таким же отверстием—отдушиной, как и в предыдущей.

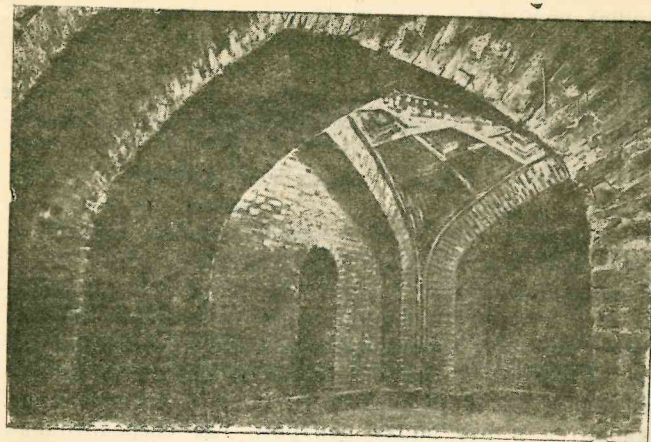
Вход во все эти камеры устроен непосредственно со двора, а так как уровень пола их ниже уровня двора, вниз, в камеры ведет несколько каменных ступенек.

О жестокой судьбе попадавших в зиндан особенно красноречиво говорит оставшаяся четвертая камера. Вход в нее открывается не прямо со двора, а через каркасную пристройку, служившую помещением для стражи. Сама камера представляет собой квадратное помещение, перекрытое куполом, как и в камерах, описанных выше. Но это, собственно, еще не камера: в полу сделано широкое отверстие, ведущее в расположенное ниже помещение—подземелье, представляющее собой круглую яму около 5 м глубиной. В эту яму нет ни лестницы, ни другого входа, кроме отверстия наверху. Людей опускали туда и поднимали их наверх с помощью веревки, пищу им швыряли сверху. Немного нужно воображения, чтобы отчетливо представить себе те жестокие условия, в которых находились заключенные в этой зловонной яме, где они долгие сроки отсиживали, закованные в ножные, ручные и шейные цепи, в ожидании суда, казни или смерти.

Непосредственно к постройке, под которой находится этот каземат-яма, с задней стороны примыкает небольшой мазар—могила святого, над которой воздвигнута сагона¹—надгробие и обычные для всех мазаров туги-хвосты, подвешенные на высоких шестах. Заключенные в тюрьму, как и везде, не лишались возможности выполнения религиозных обрядов. Религия и здесь оказывается на службе правящих.

Заканчивая на этом описание значительнейших памятников поздней среднеазиатской феодальной культуры, необходимо еще раз подчеркнуть, что вместо дальнейшего развития, мы встречаем определенный, ярко выраженный упадок связанный с тем, что среднеазиатский феодализм, лишенный живых связей с другими странами культурного мира, замкнувшийся в себе самом, изжил себя, не будучи способен переи-

¹ Сагона—могила, представляющая собой небольшой кирпичный сводик, в котором замуровывался завернутый в саван покойник. Это самый распространенный в Бухаре способ погребения.

Зиндан. Внутренний вид одной из камер

ти при создавшейся экономической и политической ситуации к более высоким формам труда, к более развитым формам экономических отношений.

Государство бухарских эмиров было значительно меньше государства аштарханидов, а это последнее было слабее и меньше государства шейбанидов. Все попытки последней династии вернуть утраченные владения (Балх, Фергану) не дали положительных результатов. В самом бухарском ханстве не все его части были в полном подчинении эмиру. Шахрисябз, Китаб, некоторые области современного Таджикистана только номинально входили в состав ханства. Страну раздирали междоусобия, борьба эмиров с полусамостоятельными наследственными феодальными владельцами, борьба между главарями различных племен, борьба за власть внутри самой династии. Эти междоусобия находили себе благоприятную почву в стране, где среди задав-

ленных налогом и рентой дехкан, системой чайрикерства и кабалы, жестоко эксплуатируемого крестьянства и ремесленного населения, находился всегда достаточный контингент недовольных властью, готовых в любой момент поддержать восстание против жестокого властителя.

В стремлении найти поддержку для своей власти, бухарские эмиры опирались, главным образом, на очень влиятельные слои многочисленного, официального и монашествующего духовенства.

Среди мангитских эмиров мы встречаем любопытный тип монашествующих ханов (Ша-мурат Масум, Эмир Хайдар), боровшихся со всем «светским». Бухара, игравшая и раньше большую роль в религиозной жизни значительной части мусульманского мира, становится в эту эпоху центром, где сосредоточивалось духовенство и религиозно-схоластическая образованность, центром улемов и дервишей, ханжества и мракобесия.

IX

Во второй половине XIX в. Бухара была завоевана русскими войсками и вынуждена была признать вассальное подданство России с сохранением старых порядков во внутренней жизни страны. К гнету феодально-бюрократической своей власти теперь прибавился еще гнет военно-феодального русского царизма. Следом за русскими войсками, в Бухару начали проникать мало по малу русский торговец и русский промышленник. Вступавшая на путь капиталистического развития Россия нуждалась в колониях для сбыта своих товаров и для извлечения сырья, главным образом, хлопкового. Конец XIX и начало XX в. являются для Бухары временем превращения ее в колонию России.

Характерными новыми фигурами в бухарском ханстве делают теперь в кишлаке—скупщик хлопка, бай поставщик, разбогатевший на операциях с хлопком,

одновременно с пауперизацией и обезземелением беднейшей части земледельческого населения и дальнейшим развитием чайрикерства и батрачества, а в городах—представитель русского торгового и финансово-ростовщического капитала, крупный торговец-оптовик, ведущий операции с русскими и даже заграницными фирмами.

Особенно сильно стали развиваться новые формы эксплуатации после постройки железной дороги, соединившей в 1874 г. Бухару с Каспийским морем, а с 1906 г. через Ташкент с центральным промышленным районом Бухары. В 1910 г. построена железнодорожная ветка, связывающая Бухару со станцией Каган, а во время мировой войны была начата постройка железнодорожной линии к Карши и Термезу.

Новые явления в экономической жизни Бухары отразились и на архитектурных памятниках последних времен существования эмирата.

Связь с Россией, приток фабричной, чуждой по стилю и технике продукции, появившиеся в обращении новые строительные материалы—кирпич русского образца (в Бухаре он называется «салдоти»—солдатский), фанера, масляные краски, обои, различного рода полуфабрикаты (багеты, литые гипсовые украшения для потолков и проч.), оконное стекло и кровельное железо сказались и на технике строительства и на декоративной обработке зданий.

Оставляя в стороне здания, возведенные русскими строителями-архитекторами (пассажи, здания банков, вокзал и т.п.), остановимся лишь на нескольких зданиях, построенных бухарскими мастерами без участия европейских инженеров, сохранивших целиком свой феодальный характер и по их назначению и по разрешению архитектурных зданий.

К числу этих зданий относится медресе *Амир*, построенное рядом с медресе *Мири-араб*, на месте бывшей здесь бани, часть которой в виде большого ку-

польного помещения сохранилась и теперь (читальный зал центральной библиотеки). В основном, в своем плане это медресе традиционно-прямоугольный двор обнесен двухэтажным рядом худжр, вход в медресе отмечен порталом и т. д., но имеются и значительные новшества: самые формы отдельных частей — арок, карнизов, полуколонн, претерпевают изменения под влиянием нового строительного материала — новой формы кирпича. Перед входом в медресе появляется второй дворик, верхний этаж худжр лишен обязательной для всех старых образцов этого типа стрельчатой аркады. В декоративной отделке здания, где использованы и изразцовые вставки (плохого качества) и резное дерево и кованное железо, есть много манерности, размельченности отдельных деталей, но нет единства архитектурных форм и декорации. Попытка связать традиционную феодальную форму с требованиями новых вкусов, изменяющихся под влиянием фабрично-заводской продукции и мельком виденных и неосознанных образцов европейской архитектуры, что так характерно для правящей верхушки бухарского общества той эпохи, была, конечно, обречена на полную неудачу.

Тот же эклектизм и смесь старого с новым отличает и другое архитектурное произведение этой эпохи — передний фасад и навес мечети *Боло-хиуз*, упомянутой выше. Несмотря на смелость замысла — постройки очень высокого навеса на деревянных столбах, стремление придать зданию внушительность и монументальность, именно чувства монументальности в этой постройке нет. Вместо него — увлечение мишурой — расписной фанерой, вставками кусочков зеркал, пестротой росписи.

Наиболее ярким образцом строительства этого времени является дворец *Ситора-и-Мохи-хосса*, предназначавшийся для главной резиденции последнего мангытского эмира, находящийся в 4 км к северу от города.

Дворец состоит из нескольких отдельных строений, разбросанных по обширному саду. Несколько подробнее остановимся на первом из них — каркасном здании, заключающем в себе «парадные залы».

В самой планировке этого здания видно влияние чуждой архитектуры европейских дворцов — попытка создания анфилады зал. Об этом же говорят большие окна, голландские кафельные печи и др. В декоративном оформлении комнат господствует еще большая пестрота и мишурная дешевка, чем в описанном айване мечети *Боло-хауз*. Фанера, багеты, зеркала, цветные стекла создают впечатление какого то пестрого калейдоскопа. На этом фоне дешевой бронзированной безвкусицы выгодно выделяется роспись стен маленькой передней, выполненная в старой технике и мелкая алебастровая резьба по зеркалам в так называемом «белом зале», поражающая тщательностью работы и огромным количеством затраченного на нее труда. По словам строившего этот дворец мастера *Ширина Мурадова*, на отделку этого зала потребовалось около двух лет при 25—30 рабочих.

Прочие здания — кирпичный дом над хаузом в глубине двора, подражающий помещичьему особняку, павильон в саду и женская половина дворца значительно менее интересны¹.

Приведенный выше перечень памятников показывает, что Бухара, — один из старейших городов Средней Азии, является настоящим архитектурным музеем, в котором представлены в той или иной мере все эпохи в строительстве Средней Азии, вся эволюция зодчества, начиная с эпохи Саманидов и кончая

¹ Кроме этого дворца, там же, в Ситора-Махаса имеется другой дворец построенный отцом последнего эмира Абдул-ахад-ханом, значительно хуже сохранившийся. Был еще дворец в Шербуддине, в 2 км к востоку от Бухары, дома в городе, несколько дач и садов в окрестностях и, наконец дворец европейской постройки у ст. Каган. Вне Бухары имелись дворцы в Кермине, Петербурге и Ялте.

самыми последними временами, без особенно больших пробелов, которые восполняются памятниками Самарканда, Шахрисябза и Хорезма. Ни в одном другом пункте Средней Азии не сконцентрировано так много первоклассных, а некоторые из них мирового значения, памятников среднеазиатского зодчества как в Бухаре, а изучение истории среднеазиатского зодчества нужно не только с точки зрения технической и искусствоведческой, но и для уяснения производственных отношений и развития экономической жизни в различные эпохи.

Упроб 1/9-56 14

002

Цена 1 руб. 50 к.

24

ш. 5